

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№4(27) ОКТЯБРЬ–НОЯБРЬ 2010

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

Зеница ока, Родина моя...

Фото И. Мамагова

У ПАМЯТНИКА РЕШЕТОВУ

Патриотизм — последнее прибежище... патриотов. Такая мысль пришла в голову у памятника блистательному Алексею Леонидовичу Решетову, поставленному Поэту несколько лет назад его благодарными земляками.

Решетов когда-то написал:

*Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской строки
Я не жилец, я сгину от тоски.
Это — не пафосное заявление.
Всякий, кто знал Алексея Леони-*

довича при земной жизни, скажет, что пафос ему присущ не был. Эти слова — от сердца. Они и есть — настоящий патриотизм, не «квасной», не вымученный, не штампованный, потому что по Решетову: «Пушкин в глазах не двоится и Родина в сердце — одна». А еще, на-

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 4 ➔

В номере

НАВСТРЕЧУ XI
КОНФЕРЕНЦИИ
АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ
УРАЛА

С. 4–6

ДОКЛАД
ПРОФЕССОРА
Л.П. БЫКОВА

С. 4–5

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

С. 2–3

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ:
ПОЭТ ВАЛЕНТИНА
ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

С. 7–8

ЗАПИСКИ ВОЛЬНОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ЮРИЯ БРИЛЯ

С. 9–10

КРИТИКА

С. 11–13

СТИХИ ВАЛЕРИЯ ТИХОНОВА

С. 13

ПРОЗА
СЕРГЕЯ ГОРБАЧЕВА

С. 14–15

НОВЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ
КОНКУРС

С. 16

ЧЕЛЯБИНСК

НА «ВЗЛЁТНОЙ ПОЛОСЕ»

Насчитывающая уже не одно десятилетие работы, литературная студия Челябинской государственной академии культуры и искусств «Взлётная полоса» в прошлом учебном году повысила свой статус — она стала молодёжной литературной мастерской, объединяющей студентов разных ВУЗов города и старшеклассников.

Новый сезон творческих взлётов начался в конце сентября. В этом году мастерская участвует во Всероссийских поэтических форумах «С веком наравне» и «Осиянное слово», проводит региональный литературный конкурс «Стилисты добра» и планирует по его итогам семинар студенческой поэзии, прозы и драматургии. Начата работа по подготовке традиционного коллективного сборника студенческих произведений.

«Взлётная» сегодня — экспериментальная площадка творческих и педагогических технологий в области литературной учёбы. Именно активная работа мастерской позволила впервые в области открыть литературные курсы для самодельных авторов и руководителей литературных студий. Эти курсы начинают свою работу с октября и продлятся шесть месяцев. По статусу это форма повышения квалификации, по сути — обеспечение современными методиками работы руководителей детских, молодёжных, разновозрастных литературно-творческих сообществ. В программе — ряд общеобразовательных дисциплин, дающих взаимосвязанное видение современности через призму философии, культурологии и психологии, но преимущественное внимание будет уделено творческим семинарам и методикам.

ПАМЯТИ ПОЭТА

В сентябре исполнилось полгода, как ушёл из жизни удивительный детский поэт, лауреат премии им. П. Бажова Николай Петрович Шилов. Его коллеги и ученики под эгидой Челябинской государственной академии культуры и искусств подготовили и издали книгу материалов к биографии в серии «Ведущие учёные, педагоги, творцы». Книга содержит подробный библиографический указатель, воспоминания о поэте и не опубликованные ранее материалы: стихи и воспоминания о детстве. В составлении указателя активное, деятельное участие принял сын Н.П. Шилова, историк Денис Шилов.

На презентации звучали стихи Шилова в исполнении его студентов, воспоминания коллег и учеников, звучал в записи голос и самого поэта, режиссёра, сценариста, посвятившего свою жизнь литературе и искусству праздника. «У Николая Петровича был талант, свойственный всем гениальным людям — собирать вокруг себя не просто близких по духу коллег, а сильных личностей, талантливых профессионалов» — написала о Шилове его ученица, один из ведущих режиссёров массовых праздников области Оксана Громова.

18 сентября в память поэта и педагога в Челябинской государственной академии культуры и искусств открылась уникальная лаборатория сценарных технологий для будущих сценаристов. Лаборатория-трансформер, лаборатория-музей — у неё много функций, но главная — сохранение и развитие лучших традиций праздничного искусства Урала и страны.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

КИРОВ

БОГАТЫЙ АВГУСТ

Нынешний август на Вятской земле был жарким и в прямом смысле этого слова и в «литературном» контексте.

С конца июля в начале последнего летнего месяца плавно перешли мероприятия, посвящённые 80-летию известного прозаика, очеркиста, драматурга, Почётного гражданина Кировской области Владимира Арсентьевича Ситникова. Большой литературный вечер состоялся в областной библиотеке им. А. Герцена. Старейшина вятских литераторов был выдвинут на государственную награду.

В конце августа на родине знаменитых русских художников братьев В.М. и А.М. Васнецовых в селе Рябово состоялся традиционный пленэр живописцев из разных уголков России. Казалось бы, причём здесь литераторы? Но, во-первых, один из братьев, Аполлинарий, был членом Союза писателей, а во-вторых, в те же дни отмечалось 25-летие литературного клуба «Рассвет», что действует в райцентре Зуевка неподалёку от родового гнезда художников. Выступления вятских поэтов органично влились в общий праздник «Васнецовские дали».

Ну, а главным литературным событием Вятки стало празднование 130-летия писателя-земляка Александра Грина. В 10-й раз вручалась Всероссийская премия имени писателя-романтика. Нынче её лауреатам стал известный российский писатель-фантаст Сергей Лукьяненко. На юбилейных торжествах присутствовал инициатор и первый обладатель этой премии Альберт Лиханов, лауреаты разных лет Валерий Воскобойников и Александр Кердан. Составились выступления лауреатов гриновской премии и других литераторов у памятника А. Грину на кировской набережной Вятки, в областной библиотеке им. А. Герцена и в городе Слободском, где в 1880 году родился будущий писатель-романтик.

Валерий ПОНОМАРЁВ

ТОМСК

КНИГА О КЛЮЕВЕ

Книга с названием: «Николай Клюев: образ мира и судьба» вышла в Томске. Она стала своеобразным итогом Первых Всероссийских Клюевских Чтений, которые прошли в этом сибирском городе в год 125-летия со дня рождения поэта. Напомним, что организаторами Чтений стали Томское региональное отделение Союза писателей России и Томский государственный университет. В Чтениях приняли участия ведущие исследователи творчества Николая Клюева в нашей стране, писатели из Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Кемерово и других городов России.

Новое издание адресовано широкому кругу читателей, филологам и литературным работникам, учителям, студентам и аспирантам, всем кто интересуется творчеством великого русского поэта. При этом большинство опубликованных в книге статей посвящено литературным взаимосвязям Николая Клюева, проблемам его поэтики, судьбе литературного наследия.

Геннадий СКАРЛЫГИН

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

ИМЕНИ ПИСАТЕЛЯ

17 сентября в Белом зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая состоялась церемония награждения лауреатов второго краевого литературного конкурса имени Владимира Борисовича Свинцова.

В. Б. Свинцов — известный писатель и общественный деятель, член Союза писателей России и заслуженный работник культуры России; его проза публиковалась в краевой, региональной и центральной периодике; он автор более 50 книг прозы, лауреат пяти краевых и трёх всероссийских литературных премий. В последние годы жизни он работал руководителем Алтайской краевой организации Союза писателей России, главным редактором литературно-художественного и краеведческого журнала «Барнаул». С инициативой учреждения премии имени Свинцова выступила его дочь — Ирина, заместитель директора Фонда Творческих Инициатив. Её поддержала Алтайская краевая организация Союза писателей России.

В этом году из трех десятков соискателей в число номинантов (так называемый шорт-лист) вошли 12 авторов, живущие в разных городах и районах Алтайского края.

Звания лауреатов с вручением памятного Диплома, серебряного нагрудного знака с золотым барельефом В. Б. Свинцова и пяти тысяч рублей были удостоены прозаики: член Союза писателей России Вячеслав Морозов (Московская область, г. Северный), член Союза писателей России Дмитрий Шарабарин (Алтайский край, г. Бийск), Пётр Горлатов (Алтайский край, районный центр Тальменка).

Награды вручили: Владимир Песоцкий — президент Демидовского фонда (Алтайский Центр), Ирина Свинцова — председатель жюри конкурса, Валерий Тихонов — руководитель Алтайской краевой организации Союза писателей России и главный редактор журнала «Барнаул».

С приветственным словом к собравшимся обратился директор музея Игорь Коротков. В частности он отметил, что в музее на хранении находятся более 120 экспонатов, посвящённых памяти В. Б. Свинцова.

В концертной программе на церемонии выступили известные в Алтайском крае авторы-исполнители: Александр Карпов, Сергей Ядыкин, Вячеслав Кальницкий, Сергей Свиринов и Виктор Муравьев.

Следующий, третий литературный конкурс имени Владимира Борисовича Свинцова будет объявлен в начале 2011 года. Кстати, жюри уже приняло решение сделать конкурс открытым, чтобы в нём могли участвовать прозаики, живущие в других регионах России.

Мария ШУЛЕПОВА

ОРЕНБУРГ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КАЗАКОВ

8 августа Николаю Трофимовичу Струздюмову — старейшему писателю Оренбуржья, автору дилогии «Оренбургский платок» — «Оренбургские казаки», исполнилось 75 лет. Вторая часть, документальная повесть «Раздор» рассказывает о событиях Гражданской войны в Оренбургском крае. Заключительный аккорд повести — глава, которая так и называется: «Последний бой белоказаков». В августе прошлого года исполнилось 90 лет со времени Салмышского боя. Кровавое побоище длилось пять дней — с 19 по 24 августа 1919 года.

— Строго говоря, на стороне белых сражались регулярные части, но основу составляли оренбургские казаки, — говорит Николай Трофимович. — И сражение было последним на территории нынешней Оренбургской области. Потом бои откатились на юг, к Актюбинску. Взялся я за описание этого сражения не случайно. Оно происходило в четырех километрах от села, в котором я родился и провел свое детство.

— За кого воевали твои родственники? — спрашиваю автора.

— Тут придется коснуться родословной. Мои предки по матери — потомственные казаки, по отцу — потомственные кузнецы. По советской трактовке — сельский рабочий класс. Правда, они кузничали не где-то там, а в той самой казачьей Кондуровке. Естественно, те, кто по моей материнской линии, — воевали за белых, те, кто по отцовской — за красных.

— А ты сам-то к кому склоняешься?

— Ни к тем, ни к другим. Но у меня ожесточенный протест против самой Гражданской войны, против братоубийственной бойни и резни. А поскольку её развязали большевики, то я, выходит, против них, против Цвиллинга — ленинского посланца.

В повести «Раздор» это авторское отношение выплеснулось в описании того сражения: «И в этой звериной августовской жаре, в этом чаду и дыму они дрались. Русские убивали русских. Рвали друг друга, как собаки».

— Коснулись ли как-то близко события гражданской войны твоих родственников?

— Коснулись, да еще как. Мой дед Василий Александрович в 1918 году трижды бежал из-под расстрела от красных. Теперь я о дяде Семене. Его жутчайшим образом пороли нагайками казаки. Не чужие, свои — односельчане.

Автор книги настаивает, что с нею знакомиться надо так: после прочтения того, что на обложке, надо перевернуть книгу, внимательно прочесть содержание, затем снова перевернуть, прочесть «Вместо предисловия», а дальше как решите.

Во вступительной заметке «Вместо предисловия» указано: «Из всего написанного автором в эту книгу включены вещи сугубо оренбургской тематики. Оренбургская основа, события из истории Оренбургского края, действующие лица — из гущи оренбургской жизни. Язык книги максимально приближен к исконно оренбургскому казачьему говору».

Не так давно к автору «Раздора» заехали земляки. Оказалось, по делу:

— Трофимыч, мы решили к 90-летию того последнего боя поставить памятник всем погибшим.

— Кто — мы?

— Сакмарские казаки.

— Господи, откуда взялись сакмарские казаки, их же восемьдесят лет уничтожали.

— А вот, как видишь, не всех уничтожили, — смеется Струздюмов.

Вячеслав МОИСЕЕВ

ПЕРМЬ

«ЖИВАЯ КНИГА» ДЛЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Пермская краевая организация Союза писателей России совместно с краевой администрацией приступила к реализации проекта «Живая книга», направленного на популяризацию чтения среди старшеклассников. В рамках проекта за счет краевого бюджета выпущено четыре книги пермских писателей. Это сборники прозы Андрея Зеленина «Пять лепестков», Юрия Калашникова «Бродяжеские хроники», Татьяны Соколовой «На бывшей свалке, на зелёной поляне» и книга участницы Всероссийского совещания молодых писателей в Сургуте Светланы Эст (Муксиновой-Стерляговой) «Браслет раджи».

Весь тираж, а он составил несколько сотен книг роздан на встречах, которые авторы провели в четырех городах Пермского края: Березники, Добрянка, Краснокамск, Чусовой. Каждый из авторов участвовал в трех встречах-диалогах: первая — общий разговор о пользе или вреде чтения; вторая — диалог по его авторской книге: как родилась, для чего, почему; и наконец, третья — знакомство с творчеством автора в целом.

А. Зеленин побывал в Березниках, Ю. Калашников — в Добрянке, Т. Соколова — в Чусовом, а С. Эст встретилась со школьниками Краснокамска.

Соб.информ.

ЧЕЛЯБИНСК

ВНЕ ВРЕМЕНИ С ВАДИМОМ ОСИПОВЫМ

Начало учебного года в Челябинской государственной академии культуры и искусств ознаменовалось открытием «литературной» фотовыставки — екатеринбургский поэт и фотохудожник Вадим Осипов представил южноуральским преподавателям, библиотекарям и студентам галерею портретов современных писателей Урала.

Выставка вызвала огромный интерес ещё до открытия. Посетители говорили о том, что это прекрасная возможность лично познакомиться с деятелями современной литературы и о том, что проект настоятельно требует продолжения, ведь сам литературный Челябинск представлен в этой серии пока только одним портретом.

На открытие выставки приехал также председатель Екатеринбургского отделения Союза писателей России А. Расторгуев. Вместе с В. Осиповым они провели мастер-класс по работе со словом для будущих сценаристов ЧГАКИ, в областной юношеской библиотеке встретились со студентами педагогического колледжа, творческий диалог состоялся в Челябинском отделении Союза писателей и в областном Фонде культуры.

Выставка завершила свою работу, а фотопроjekt ждёт своего продолжения.

Соб. информ.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

КАПИТАН-КОМАНДОРА ВСПОМНИЛИ С НОВА

16 сентября в пермской областной библиотеке им. А.М. Горького состоялась презентация книги А. Кердана «Крест командора». Теперь и жители краевой столицы, участники встречи, лично познакомились с новым изданием «Крест командора» и его автором. На интересную встречу пришли историки и краеведы, работники библиотеки, представители туристического бизнеса и студенты вузов.

Динамичная и увлекательная презентация не свелась только к разговору об истории давней экспедиции и судьбах ее героев. Инициатор и организатор встречи — издатель Ильдар Маматов решил соблюсти родину в Осе и Кунгуре традицию и задать присутствующим вопросы викторины. Победительница, а ею стала директор туристического агентства «Финист-трэвел» Федотова Милана, получила в награду книгу «Крест командора» с автографом автора.

А на следующий день командора Беринга вспоминали в Соликамске, где в библиотеке состоялась новая встреча автора романа и издателя Маматова с благодарными читателями. По словам Ильдара Маматова, по результатам этих встреч удалось договориться с администрацией уже 4-х городов Пермского края о том, чтобы в музеях этих городов появились экспозиции, посвященные великим путешественникам. Эти экспозиции в дальнейшем и составят основу краевого музея путешествий.

Анастасия КОТЕЛЬНИКОВА

У ПАМЯТНИКА
РЕШЕТОВУ

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

стоящий патриотизм — это помнить своего поэта, всем миром (а он в Березниках не так уж и велик по сравнению с современными мегаполисами) собрать деньги на памятник ему. Потому что поэт — это носитель, хранитель родного языка, той самой «иной речи», которая не поддается агрессии смс-сообщений, американизмов и новоязов, ибо в ней живет традиция, являющаяся основой ментальности. Без традиции, без языка, и, в конечном счете, без национальной культуры не может состояться самоидентификация нации, и Отечеству нашему невозможно будет сохраниться в глобальном мире, как самостоятельному и уважаемому государству.

Вот почему, этот патриотизм березниковцев куда понятнее позиции молодого чиновника (ведь, вроде бы — государственный служащий!), на «голубом глазу» вопрошающего: а какова рентабельность литературно-художественного альманаха, а зачем он вообще нужен? Этот вопрос очень напоминает разглагольствования российского силового министра (тоже, наверное, большого патриота...), который накануне этого «горящего» лета упразднил своим приказом пожарную команду на одном из складов вооружений, а потом другим указом уволил без выходного пособия офицеров и прапорщиков, которые, жертвуя собой, без необходимых пожарных средств пытались всё-таки спасти государственное имущество...

Как объяснить «новым российским патриотам»: рентабельность литературы в том и заключается, чтобы через энное количество лет в стране остались люди, помнящие родную речь, чтящие отечественные традиции, способные в час беды, не щадя живота своего...

Очередной попыткой достучаться до власть предержащих, найти общие точки взаимодействия с государственными структурами в деле формирования настоящих патриотов нашей страны должна стать XI конференция Ассоциации писателей Урала, посвященная проблеме состояния патриотической литературы в России и её региональному аспекту.

Новый номер «БМ» предлагает читателям начать обсуждение этого животрепещущего вопроса.

Своими мыслями о патриотизме в его современном понимании в номере делятся поэт и воин-интернационалист, казачий сотник Евгений Бунтов и писатель-фантаст Андрей Щупов. Этой же проблеме посвящен доклад доктора филологических наук Леонида Быкова.

профессор Л.П. Быков
СТРАНА И СЛОВО

Полемические заметки об одной теме

*В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несется
Та незнакомая страна,
Что ныне Родиной зовется?*
Дмитрий Мизгулин

Со школьных лет известно, что в творчестве каждого классика наличествует тема родины. Шаблонном абитуриентских сочинений — в ту пору, когда таковые входили в экзаменационный минимум, — была фраза: «Поэт (такой-то) любил родину». Уроки литературы давно позади, существенно изменилась не только процедура вступительных испытаний в вузах, но и вся Россия, а вот тема родины — и в самом творчестве, и в разговорах о творчестве — остается неизменной.

Человек живет в координатах истории и пространства. Мы — дети времени и места. И то, и другое ищет осмысления. Особенно в нашем отечестве, где география издавна взаимодействует с историей отнюдь не бесконфликтно. Что не может не сказываться на понимании и трактовке патриотизма.

Когда-то Петр Первый настаивал на том, что Россия — не просто страна, но, подобно Азии, Европе или Америке, часть света. Территории у нас и впрямь больше, чем у любой иной державы, что требует, само собой, постоянных и неординарных усилий по обихоживанию и защите ее, поскольку щедрая на дары земля не могла не быть предметом экспансивных устремлений иных племен. Не удивительно, что патриотическая тема в искусстве зачастую трактуется прежде всего (а то и только) как военно-патриотическая.

Уходящий год стал годом 65-летия Победы. Это был, по всемо, последний юбилей, отмеченный спасенной от фашистского нашествия страной вместе с еще живыми ее спасителями. В разных российских издательствах вышло немало книг, авторами которых были участники Великой Отечественной. В этой связи не могу не вспомнить изданный в Екатеринбурге пятилетием раньше поэтический том «Долгое эхо войны», к выходу которого я причастен как составитель.

Сложенная из стихов на военную тему, эта книга задумывалась как книга о патриотизме, испытываемом заповедными нагрузками истории. Хотелось представить лирическую летопись жизни страны и человека в чрезвычайных обстоятельствах, каковыми стало военное четырехлетие.

Опять-таки со школы мы помним концептуально-событийную сторону этого периода отечественной и мировой истории. А установка «история через поэзию» позволяет не просто конкретизировать ту эпоху, но — очеловечить ее. И в смысле — развернуть в конкретных лицах, судьбах, ситуациях (а «военные» стихи всегда фактурны, нередко балладны и повествовательны), и в смысле — одушевить, гуманизировать.

Нынешний мир страдает сердечной недостаточностью. Обрушивающиеся на человечество и отечество природные, техногенные и социальные катаклизмы, не говоря уже о более локальных бедах, обывателям и умножаясь телеэкраном, обезболяют наше живое восприятие, и мы перестаем воспри-

нимать чрезвычайное как чрезвычайное. Трагедии выглядят всего лишь информационным поводом. Киноиндустрия силится одолеть эту эмоциональную индифферентность, опираясь на возможности современных технологий и физически воздействуя на глаза и уши публики. Стихам же доступно иное: они напоминают мне, читателю, что у меня есть душа. Душа, способная чувствовать гордость и боль другого как свою.

Разные по масштабам дарований и эстетическим пристрастиям, авторы этого тома явили такое эмоционально-смысловое единение, какого ни до, ни после не было в отечественной словесности. И доминантой этой общности стало именно патриотическое чувство, стало сознание личной ответственности за родную землю, за свой дом. Дом — в масштабах семьи и отечества.

*Когда, нарушив забытые,
Орудия заголосоли,
Никто не крикнул: «За Россию!» —
А шли и гибли
За нее.*

(Николай Старшинов)

Да, на Великой Отечественной воевали советские люди. Родившиеся в большинстве своем после октября 1917 года, они в другой жизни, кроме советской, себя не видели. Но воевали они не только за власть, за строй, за Верховного Главнокомандующего (хотя и за них тоже), но и — прежде всего! — за свое отечество (почему война и получила тогда же патриотическое определение), за своих родных и близких, за идеалы добра и человечности, о чем афористично было сказано в «Книге про бойца»:

*Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы, —
Ради жизни на земле.*

Военные годы оказались тем редким временем, когда интересы власти совпали с интересами народа. Больше такого единодушия не наблюдалось у нас ни в XX, ни в XXI веке. Наряду с территорией и языком, именно это сознание, что победили **мы** (строка Николая Мережковского: «Выковали мы Победу крыльями...») — пускай под пулями были не я, не вы, а наши деды и отцы, — и выступает ныне как условие нациообразующее, и потому равно дорогое и государству, и человеку, если он не чувствует себя на свете перекачан-полюм.

Однако чувство гордости при этом неизбежно соизмеримо, по моему разумению, с чувством горечи. Ибо война — любая, самая Отечественная, самая победная — это всегда беда, всегда трагедия. Всегда, по определению Б. Окуджавы, подлая. Всегда, по словам Андрея Болконского, самое гадкое дело в жизни. Потому как античеловечное. Смертное. Потому как опровергает главную земную заповедь: — Не убий! Потому что «война» — это всего лишь эвфемизм массового и санкционированного человекоубийства. Мировой или локальной бойни. Поэтому, восхищаясь героями сражений, не будем героизировать саму войну. Ведь в ту же Отечественную спасли Россию, по точному слову Льва Аннинского, ценой России.

Мы привыкли к словосочетанию «военно-патриотическая». Но, неизбежное для дней войны, так ли оно абсолютно

в иных обстоятельствах — нынешних? Не пора ли сопрягающий в этой лексеме войну и любовь к родине дефис превратить в разделяющее их тире? Ведь человек с талантом, человек с умом не менее патриотичен, чем человек с ружьем. Пушкин вполне соизмерим с Петром Первым, а Лев Толстой для России не менее значим, чем Кутузов. Об этом провидчески размышлял еще Константин Леонтьев: «Чем знаменита, чем прекрасна нация? Не одними железными дорогами и фабриками, не всемирно-удобными учреждениями. Лучшее украшение нации — лица, богатые дарованиями и самобытностью. Лица даровитые и самобытные не могут быть без деятельности творчества; — когда есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода».

Мне стыдно — а стыд за свою страну не менее патриотичен, чем гордость за ее свершения, — что мы и сегодня устраиваем военные парады. Кого успокоит и кого устрашит это провинциальное язычество? Мне стыдно, что среди тех, кого славит страна, остается конструктор Калашников: в Ижевске ему при жизни соорудили музей! Да, он придумал автомат, который способствовал укреплению боеспособности отечественной армии, но ведь из этого самого оружия уже более полувека на планете осуществляется уничтожение одних людей другими и счет погубленным из АКМ идет уже на десятки миллионов. То есть жертв больше, чем от сброшенных на Японию атомных бомб. Мне стыдно, что, вещая о любви к ветеранам, власть принимает решение переименовать милицию в полицию, игнорируя при этом неизбежно возникающие у каждого фронтовика — как, впрочем, и у детей фронтовиков — ассоциации с фашистскими полициями (что зафиксировано даже словарем: «Полицай (презр.) — во время Великой Отечественной войны во временно оккупированных районах местный житель, служащий в фашистской полиции»).

И здесь самое время акцентировать нашу причастность к литературе. А литература, в свою очередь, есть не что иное, как демонстрация содержательно-эстетических возможностей национального языка. Русского — в данном случае. Вспомним ахматовское «Мужество», датированное 1942 годом:

*Не страшно под пулями
мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

(Эхом этих скрижалей станут самые патриотичные строки эмигранта И.

Бродского: «Припадаю к народу, припадаю к великой реке. / Пью великую речь, растворяюсь в ее языке...»).

Наука не бывает национальной. Культура — и словесная прежде всего — даже в самом космополитичном изводе неизбежно национальна. Тем более — в России, где культура неотрывна от книги. Позитивный образ России в мире если и бытует, то не благодаря Калашникову, а благодаря Толстому, Достоевскому, Чехову.

Да и внутри отечества каждый регион гордится своими земляками, чьи создания укрепляют его авторитет, работают на его имидж. Так, вся Россия знает, что у опорного ее края есть свой певец и художник — Павел Петрович Бажов. Это имя неотделимо от самосознания уральцев и культуры горнозаводского региона. Автор «Малахитовой шкатулки» вырос на почве уральской мифологии и истории, местного народного быта и здешних традиций. Отчетливой и ярче, нежели любой другой мастер слова, живший на Урале, Бажов воплотил в своих созданиях душу и дух нашего края, глубину родовой нашей памяти. В его сказах обрела слово сама уральская земля — Каменный Пояс во всей его «долговековой» протяженности. И закономерно, что благодаря созданиям этого сказителя образ Урала раскрывается всем, кому внятна русская речь.

А посмотрите, как внутреннее самоопределение народов сибирского Севера очевидно стимулировалось творчеством выдвинувшихся из их среды таких литераторов, как Еремей Айпин, Мария Вагатова (Волдина), Анна Неркаги, Роман Ругин, Юрий Вэлла, раскрытию дарований которых, в свою очередь, благоприятствовала русская культура.

В едином российском государстве мы — очень разные. Прав А.Солженицын: «Есть много России в России, / В России — несхожих Россией...» Россий много исторически (Киевская Русь, Новгородская...) и географически. Кроме того, неизбежна дифференциация этническая, хозяйственная, возрастная, гендерная, эстетическая. И одна из наших творческих задач в том и состоит, чтобы содействовать укреплению *единства разнообразия*.

Искусство слова, являя эту многовариантность отечественного бытия, может способствовать развитию национального самосознания общества и выполнять тем самым свою патриотическую миссию. Единой Россия может быть, только будучи разной. И народом население того или иного очерченного пограничниками локуса вправе называться тогда, когда щедро на личности — самобытные и при всей неповторимости понимающие свою общность. Общность эту обуславливают собой прежде всего территория и язык, экономика и культура. Пространство отечества к исходу XX столетия в сравнении с дореволюционной (да и советской) империей заметно поубавилось, но все равно Россия остается страной больших масштабов. Язык Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Лескова, Бунина и Астафьева, хотя и подвергается эпидемиям варваризации и примитивизации, все равно в России внятен каждому. А вот эхо современной российской словесности, как это ни прискорбно, не сопоставимо с тем, как русская литература резонировала у себя и в мире на протяжении всего минувшего века.

Не будем впадать в самоуничижение. И сегодня есть в России авторы, чье слово способно «привлечь к себе любовь пространства» — прежде все-

го в отечественных его границах. Захар Прилепин, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов и (с другой стороны) Дмитрий Быков, Ольга Славникова, Михаил Шишкин — их книги реально обогащают то, что можно было бы назвать отчизновидением. И, подтверждая убежденность Б. Шергина в том, что «глубокое, ценное слово о родной стороне может сказать только человек, для которого его родина есть не «край», а центр», плодотворно работают в литературе многие мои земляки, чей аналитический патриотизм питается дальней и ближней историей — как у Алексея Иванова, Александра Кердана, Николая Коняева, Арсена Титова, Александра Родионова, житейским повседневно — как у Нины Горлановой, Николая Коляды, Анатолия Новикова, Сергея Луцкого, краеведением — как у Валерия Михайловского и Анатолия Омельчука, культурологией — как у Владимира Абашева и Дмитрия Шеварова. Богатый материал для размышлений о трактовке темы родины дает лирика Николая Годиной и Юрия Казарина, Нины Ягодинцевой и Татьяны Четвериковой, Андрея Расторгуева и Павла Четечкина, Риммы Дышаленковой и Светланы Сырневой.

И все же, все же, все же... Никогда не преуспевавшая в области технологий, Россия была дорога человечеству как производительница смыслов. Человек здесь издревле не жил только делом, только службой, только наличностью (и в материальном смысле, и в экзистенциальном). Он мог не пожалеть себя ради «великих трудов», не раз в истории убеждая себя и другие нации в том, что «нет работы — суровой для тела, / недоступной и тяжелой уму, / чтобы ты ее с честью не сделал, / удивившись себе самому» (Б. Ручьев). Но при этом нашему человеку необходимо понимать или чувствовать, во имя чего, ради достижения каких целей требуются эти неимоверные усилия. Только так «сбываются сказки в России». И вот этими-то героически творимыми — в слове и в яви — сказками Россия и была интересна миру. Достаточно вспомнить признание У.Черчилля: «Россия — это загадка, упакованная в тайну, спрятанную в неизвестность».

А сегодня наша страна интересна прочим лишь как поставщица энергоресурсов да политических и юридических казусов. В советскую эпоху мы были притягательны для мира грандиозным социальным экспериментом — ныне мазохистски расписываемся в собственной неудаче. Книжки, фильмы, спектакли об отечественной реальности последних десятилетий пронизаны ощущением «Так (в пределе: здесь) жить нельзя!» Увлеченное «писанием с натуры», равно как и производством антиутопий, наше искусство оказывается, подобно паразитирующей на сырьевых богатствах недр отечественной экономике, неконкурентноспособным.

С диагностической миссией — «Россия в обвале» (А.Солженицын) — слушатели муз, как и политики, справились. Но к тем и другим неизбежно патриотическое вопрошание: а как из этого национального кризиса (совпавшего в довершение всего с общемировым) выбраться? Не случайно откровение, встретившееся в одном из последних интервью Виктора Розова: «Может быть, смешно звучит, но меня радует, что нет певцов нынешнего времени. Нечего воспевать». (Впрочем, в майском номере недавно возникшей «Общеписательской Литературной газеты» меня поразило уничтожительное не только в отношении автора, но и самой миссии поэта лизоблудство мое-

го ровесника Льва Котюкова, возглавляющего, между прочим, Московскую областную писательскую организацию. В своих виршах, адресованных на вершину властной вертикали, он уже усадил нынешнего мало в чем преуспевшего премьера...на царский трон:

Мы все у Бога на примете,

Но одного возносит Он.

И он один за всех в ответе

В безумье дьявольских времен...

И он один в стране огромной,

Сполна прозревший тайну зла,

В единоборстве с бездной темной

Спасет двуглавого орла...)

Отечеству нужен не царь и не диктатор, а — путь. «Россия, — прав Вячеслав Пьеху, — способна убедительно существовать, если только ею руководит какой-нибудь метафизический идеал». Мы сегодня нуждаемся в новой мифологии. Дух жаждет смысла. Новой сказки, если угодно. Любимый миф, чтобы сохранять свою перспективность, нуждается в памяти прошлого и энергии будущего. Увы, нынешний патриотизм питается ныне только преданиями старины, а быть патриотом отечества, которое, пусть и кланяясь прошлому, живет только текущим днем, только в пространстве «от выборов до выборов», очень непросто. За годы правления вознесенного на божественные выси «Человека, чье имя твердое — Владимир» страна превратилась в гигантскую корпорацию, озабоченную единственно сиюминутными политическими и экономическими выгодами.

Как ни горько констатировать, но команда, находящаяся второе десятилетие у властного кормила в России, прискорбно *внекультурна*. Барак Обама пригласил выступить на его инаугурации поэте Элизабет Александер со стихами, которые надлежало написать специально к этому событию. На Британских островах есть утверждаемая правительством должностная поэти-лауреата, в обязанность которого входит написание стихов, посвященных общественно значимым событиям. (У нас, правда, в «Новой газете» еженедельно печатаются стихотворные памфлеты Дмитрия Быкова, которые фигурирующими в них властными персонами попросту не замечаются).

Ф.Миттерану принадлежит принципиальная для его страны формула: «Нет культуры — нет Франции». Наш же нынешний президент, начиная чаепитие с писателями, простодушно признался, что в его семье читают Донцову, а передавший ему бразды правления, будучи с супругой на отдыхе в Сочи, не только пожаловал на концерт Ф.Киркорова, но и букет чайных роз тому в знак признательности вручил. До подлинной культуры этому властному тандему, к великому сожалению, нет дела. Потому что в противном случае давно уже был бы принят закон о творческих союзах, издатели и продавцы серьезной литературы имели бы налоговые преференции, а уроки литературы в школьной программе не сокращались бы в половину и сам этот предмет из первоначального не превращался бы — по причине ЕГЭ — в нечто факультативное.

Кажется, что в сегодняшней России, если ты всецело не озабочен ценами на нефть и очередными склоками в ближних и дальних коридорах власти, реально (в том числе и для художника — как тема) одна любовь — к ближнему, родному, домашнему. Способному услышать и подтвердить понимание вполне конкретным ответным касанием. Но на патриотизме частного существования такая страна, как наша, долго едва ли продержится.

ПОЧЕМУ НУЖНО БЫТЬ В КАЗАЧЕСТВЕ? ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Минувший век «одарил» нашу Родину избытком драматических событий. Жестоко оборвалась цепочка традиции, большевистским режимом была уничтожена Российская Держава, уничтожено всё лучшее в нашем Отечестве, в т.ч. её лучшее воинство — казачество, как уникальное явление Российской истории. Последствия этой беды мы расхлёбываем по сей день.

После разрушения СССР уже не первое десятилетие вновь и вновь принимает Россия попытки возрождения. В обществе давно назрела тема объединения патриотических сил. Десятки общественных, ветеранских и прочих структур патриотического направления функционирует сегодня на территории России. «Союз ветеранов Афганистана», «Союз десантников России», «Ветераны внешней разведки», «Союз офицеров» и т.д. и т.п. При схожести главных задач, большинство из этих структур замкнуто на себе, не скоординировано друг с другом. Хуже того: каждая такая структура локальна, ограничена по идее, судьбе, географии, возрасту и пр. «Бывший разведчик», «бывший десантник», «бывший афганец» — другого в данном контексте не дано. Бравата типа: «бывших десантников не бывает!» — звучит гордо, но не реально: служба в рядах Вооружённых сил оканчивается рано или поздно. Служение же России конца не имеет!

Подобные патриотические структуры вырождаются естественным образом по мере старения и ухода из жизни самих участников-носителей темы. Молодёжные военно-патриотические клубы из ряда «Юный Маргеловец», «Морской пехотинец», «Пограничник» занимаются благим делом, но они воспитывают опять же «будущих», «узкопрофильных» защитников, быстро переходящих в «бывших». А защитник нужен России сейчас. Всегда! В сегодняшних условиях реформенного ослабления Вооружённых сил и силовых ведомств России эта тема звучит для нас особо остро, на уровне вопроса о национальной безопасности.

Ныне исполнится 20 лет, как возрождается под флагом «Союза казаков России» славное и вольное казачье племя! Казак не бывает ни будущим, ни бывшим — он казак и есть! Казачье движение остаётся в любом случае, поскольку определяется не условными

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 6 ➔

ПОЧЕМУ НУЖНО БЫТЬ В КАЗАЧЕСТВЕ?

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 5

признаками, а жизненной сутью. Казак — труженик и защитник, мужчина-мирный воин — в одном лице.

Сегодня не важно, коренной ли ты казак, или просто разделяешь взгляды. Не важно, годен ли ты по состоянию здоровья к строевой службе, не важно, в каких войсках ты служил и был ли в армии вообще. Не важно, кто ты по профессии: депутат, студент, коммерсант или частный охранник. Идея казачества позволяет слиться всем в едином воинском духе независимо от профессий, званий-чинов, возрастов и родов войск. Кроме казачества ни одна общественная структура не способна вместить в себя всего патриотического потенциала, накопленного сегодня в обществе. Только в казачестве можно воплотить всю полноту патристической идеи, мирного (или предвоенного) общественного служения отечеству, истинного мужского братства во имя нашей земли, нашей малой и большой Родины.

Казак сегодня, как и ранее, остро нужен свой Родине, своему народу, его будущему. Но сегодня перед казачеством стоят задачи гораздо более важные и глобальные, чем когда бы-то ни было! Сегодня мужчине не нужно бросать уже имеющуюся профессию. Не нужно переселяться на историческую границу своей Родины для её защиты. Есть другая граница, более важная и острая. Она у нашего порога, в наших домах — везде, по всей России!

Наркотики, сектанство, преступность, этнические группировки, коррупция, нравственное растление молодёжи, уничтожение патриотического сознания населения, вытравливание остатков исторической памяти народа, засилье чуждых России обычаев, традиций, языка и т.д. и т.п. — это наши враги. Только слепой или ленивый не видит, что идёт настоящая война против России! Идёт «незримое, бескровное» уничтожение русских, как народа. И в этой войне там, где находится Казак — там и есть его зона ответственности, его форпост! Городская дума, рабочий цех, студенческая аудитория — казак сегодня своей совестью сам определяет свою линию обороны. И только от нашей организованности и понимания зависит, сможем ли мы вместе победить в этой уже последней битве.

Любого мужчину, кто способен чувствовать ответственность, кто не равнодушен и ощущает способность что-то изменить, желает блага своей Родине, мира и порядка своей улице, районе, посёлке или городе, должен встать в ряды казачества — другого пути нет! А каким быть казачеству — дело совести и чести каждого из нас. Но не лёжа на диване, обывательски рассуждая «со стороны», а ответственно участвуя в казачьем общественном служении, на которое нацелен «Союз казаков России». Казаками считают себя сегодня около 7 млн. человек в России и ближнем зарубежье. Кем себя считаешь ты?..

«Казачество — это искра, высеченная из груди русского народа ударами бед» (Н.Гоголь).

Евгений Бунтов
E-mail: buntov@list.ru

ВРЕМЯ НЕПАТРИОТОВ

Вот и пережили мы еще одно смутное лето. И впрямь нам не угодишь. Слякоть-дождь не устраивают, жара тоже оказывается неважным заменителем. А уж пожары, догладывающие последние российские деревушки, — дело и вовсе страшное. И снова суетимся, изображаем озабоченность. Кличем клич, собираем вещи, одежду для погорельцев. Доброе вроде бы дело, но вот ведь странные цифры. Телевидение гордо сообщает, что по городу собрано более двух тонн одежды с обувью, отправлено по назначению. И все бы славно, но то же телевидение в то же самое время опрометчиво докладывало, что на закрытом рынке Черкизон специальная машина измельчает арестованный товар десятками и десятками тонн. А это, между прочим, все та же одежда, обувь, кроссовки, куртки. Провредность товара и негодность я не говорю. Смешно и необидительно — особенно в эпоху тотальной химии, когда вредно все — от парфюмерии с косметикой до хлеба насущного. И вот арестованный товар, предварительно изжевав в труху, отправляют на свалку. Повторяю — десятками тонн! В то самое время, когда кругом вал погорельцев и остро нуждающихся. Но все равно — уничтожить, оказывается, правильнее, чем раздать. Как хотите, но это и есть то, что именуется бесхозяйственностью. Уже и опасаясь поминать термин «вредительство». А тут и более свежая сводка с полей: в Рязанской области господа чиновники, проведя кампанию по сбору гуманитарной помощи для погорельцев, отправили собранные вещи на свалку. А чего мудрить? Рвение продемонстрировано, галочка поставлена, ну, а с вещичками — с ними ведь еще возиться и возиться, — перевозка, хранение, организованная раздача. И никакими объяснениями о коррупции тут уже не прикрыться. Это система. В той же армии топорами рубили бэушное хабэ, плющили фляги, а несокрушимые автоматы Калашникова гнули под гусеничной техникой или связками волочили за грузовиками, доводя до нужной кондиции. И не только мы грешны, — в просвещенных штатах Америки списанным напалмом уничто-

жали избыточный урожай апельсинов. Вот он гений капитализма! — двух зайцев одним выстрелом! Ну, а химреактивы, это уж всем известно, дешевле и проще сливать в ручьи и реки. Да и нефтяные пятна, как выясняется, не такая уж мировая катастрофа. Так и живем — старую мебель сжигаем, морально устаревшую технику выбрасываем, и бедная планета стремительно превращается в гигантскую помойку. А тут еще сожженные гектары леса. Это ведь не просто пепелище, — это тиражи неизданных книг. Огромные! Хотя что нам пожары, когда сверху по школам спущена директива уничтожить все учебные пособия, изданные до 2005 года. И бедные учителя спешат исполнить бредовое указание. Самые отважные прячут кое-что в тумбочках, ксерокопируют особо ценные учебники и методические разработки. Если называть вещи своими именами, то это вандализм, помноженный на чиновничью глупость. Горше всего, что творимая несусветица очевидна всем — и взрослым, и детям. А уж последние, не сомневайтесь, делают для себя должные выводы. Все старое — в шредер, ничего вечного нет, любые традиции — всего лишь отживший свое хлам и атавизм. Ну, а от неуважения к старым вещам до неуважения к пожилому поколению — всего-то шагочек. И все это распрямлено базируется на современной арифметике рынка, который требует непрерывного круговорота товаров. В самом деле, какой же круговорот, если старое еще держится, не желяя изнашиваться и обращаться в пыль? Значит, нужно старить, изнашивать, истреблять. А что, скажите, делать со стариками? Строили, понимаешь, социализм, от фашизма Отечество защищали, — теперь вот на пенсию претендуют, на льготы, на уважение. И нечего удивляться, что молодое поколение, выращиваемое на небрежении к старым учебникам, к книгам, к литературе, к истории в целом, делает свой нелепый выбор. Какой уж там патриотизм!

Кое-кто оговаривается: мол, выращиваем новую генерацию — бизнес-класс, креативное поколение, новых российских капиталистов. Видимо, хорошо выращиваем, — стабфонд-то по сию пору за рубежом. Говорено и писано об этом много, но по сути — это диагноз и приговор. Поскольку деньги, добровольно сливаемые за границу (под мизерный процент!), мы сами себе, оказывается, не в состоянии доверить! Анекдот, да не очень. Потому что и впрямь не в состоянии — растеряем, профукаем, разворуем. И парадокс в том, что надежнее привлекать чужие инвестиции и чужие деньги. Впрочем, это ба-альшая политика, не стоит и вникать! И тот же Черкизон, в сущности, явление того же порядка. Ну не дошли бы товары до погорельцев! Тоже неведомым образом рассосались бы по дороге. Как тот же стабфонд, который вдруг решили бы пустить на подъем собственной экономики. Но, ребята, тогда не с Черкизонами надо бороться, а с искомым процессом утруски да растряски бюджетных средств. Некому бороться? А как же насчет людей в погонах, коих у нас больше, чем в нескольких натовских армиях вместе взятых? И где сегодняшние патриоты и сегодняшние «Верещагины», что сумели бы воспротивиться тотальному разворовыванию?

Так на чем все-таки зиждется патриотизм, на чем произрастает? Ну, любовь там к близким, к дому и дворику, в котором вырос, к городу-селу — это понятно. Но это всего лишь ядро, центр кристаллизации, к которому, увы, может ничего более и не пристать. Потому что родина — это не только двор и город, не только друзья и родня, — это страна, это народ, это язык и многовековая культура — словом, все то, без чего сегодняшнее время начинает как-то обходиться, принижив значение и художественной литературы, и истории. Наше сегодняшнее все — это денежный божок, а вовсе не Пушкин. Народ превратился в элиторат с идеологией потребителя. Мы говорим: «деньги», подразумеваем потребителя, и наоборот. Одно без другого не существует. И основной класс, на который трудится современный рынок, как раз и есть класс потребителей. А значит, поздравим себя: патриотизм из сегодняшней жизни планомерно изживается, как нечто красивое и гордое, но все-таки чертовски чужеродное.

Чтобы гордиться своей наукой, нужно иметь о ней хоть какое-то представление, чтобы уважать культуру страны, нужно опять-таки как минимум уметь и любить читать книги. Искусство же чтения (а это на самом деле — искусство) с каждым годом становится все более элитарным. И на все наивные: «почему» можно услышать неизменные: «а за чем?». И в самом деле, непросто объяснить, в несколько предложений уложить десятки и сотни аргументов. Поскольку это должно делаться в семье, за школьной партой и на студенческой скамье. Но, увы, чаще всего не делается, поскольку в обществе теперь иные ориентиры и иные интересы. Уже и не плашут бывшие истины, утверждавшие, что именно патриотизм отличает гражданина от раба. «И чё?» — резонно вопрошают современники. Свободный рынок — царство потребителя, а жить в царстве и быть свободным от этого самого царства невозможно. И впрямь «чё такого», что потребитель является рабом рекламы и денежных бонусов, рабом желудка и экранных виртуалей? Иные-то варианты еще поискать надо. А найдешь, так опять же рискуешь угодить в разряд белых ворон. А оно нам надо?

Очень не хочется уподобляться ворчуну-пессимисту, вечно видящему свой стакан полупустым, но очень уж близко подступили к пропасти. Уже и планета не выдерживает — мстит чем только может! И потому, конечно, надо бить в колокола. Ну, сколько же можно перестраиваться? Да и перестраиваемся ли мы? Может, вообще подстраиваемся? А под кого, позволяете спросить? Мирова-я-то идеология давно трещит по швам: политкорректность сплошь и рядом спотыкается об очевидное неравенство людей и народов, национальные идеи пробуксовывают, приводя к взрывным столкновениям, виртуальная экономика по воровскому скачет от кризиса к кризису, не в силах измыслить вольный рыночный галоп. Ну, а не можем сочинить нового, давайте хоть старое не спешить перечеркивать. Чтобы вместо пионеров — и сразу синегалстучные скауты, вместо милиции — полиция, да и с кофе среднего рода не поспешили ли мы? Может, и учебники погодить стаскивать в топку? А с ними и понятия вроде «отечество», «совесть», «патриотизм». Честное слово, пробросаемся! Но пойдем это, только сами однажды оказавшись на свалке...

Андрей ЩУПОВ

АВТОРА!

Щупов Андрей Олегович — член Союза российских писателей, автор более двадцати разножанровых книг и двухсот публикаций в периодической печати. Лауреат дебютной премии «Старт», премии Юлиана Семенова «ДЭМ-92», Большой Национальной премии «Заветная Мечта». Живет в Екатеринбурге.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ ОКРЕПЛА

Продолжаем представлять писательские организации, входящие в состав Ассоциации писателей Урала. Сегодня на вопросы нашего корреспондента отвечает председатель правления Омской областной организации Союза писателей России Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская

— **Валентина Юрьевна, расскажите, пожалуйста, об истории Вашей писательской организации.**

— В Омской области организация Союза писателей была создана 23 ноября 1962 года. Она насчитывала в ту пору всего пять членов: Т.М. Белозёров, Л.И. Иванов, П.П. Корякин, В.В. Полторакин, М.К. Юрасова. К 1988 году писательская организация увеличилась до 20 человек. С 1993 года она носит новое название — Омская областная общественная организация Союза писателей России (ОООО СПР). Сейчас у нас по списку 55 человек: прозаики, поэты, литературоведы, публицисты, критики, драматурги. Среди писателей — лауреаты государственных наград, лауреаты областных, межрегиональных и всероссийских премий, заслуженные работники культуры Российской Федерации.

Ответственными секретарями избирались: Леонид Иванович Иванов (1962–1982), Валерий Николаевич Мурзаков (1982–2000), Татьяна Георгиевна Четверикова (2000–2005), Павел Алексеевич Брычков (2005–2006). С 2006 года по настоящее время на этом посту нахожусь я.

Надо сказать, что организация наша принимает активное участие в духовной и общественно-политической жизни области и страны. Это и участие в различных движениях, во благо России, и помощь начинающим литераторам, и укрепление творческого содружества писателей.

С первых дней создания организации у нас регулярно выходил альманах «Иртыш», в последнее десятилетие с временными перерывами издаётся журнал «Литературный Омск». Омичи активно печатаются не только в Омске, но и в других издательствах, в антологиях, альманахах, справочниках, журналах, хрестоматиях, в центральной периодической печати, в дальнем и ближнем зарубежье. Традиционными у нас остаются встречи с читателями, твор-

ческие вечера, конкурсы, фестивали, мастер классы. До середины девяностых годов в Омске проводились межрегиональные литературные праздники «Омская зима». По итогам выпускался коллективный сборник. В 1996 году в Омске прошёл выездной всероссийский пленум СПР, где были гости из разных регионов и ближнего зарубежья. Регулярно проводятся (уже давно на общественных началах) областные чтения: Васильевские, Мартыновские, Рождественские, Белозёровские. Тесное сотрудничество с Омским областным литературным музеем Ф.М. Достоевского, научной областной библиотекой им. А.С. Пушкина, многими другими аудиториями Омской области, даёт возможность для проведения самых разнообразных мероприятий.

— **Назовите пожалуйста лучших на Ваш взгляд поэтов и прозаиков Вашего региона? Какие их книги, созданные в последние годы Вы можете отметить?**

— Литературная история нашего края гордится именами Сорокина, Мартынова, Рождественского, Анкилова и др. Эти имена известны далеко за пределами России. Фёдор Михайлович Достоевский, отбывавший в Омске каторгу, стал брендом нашего Сибирского города. Уже нет с нами Л.Иванова, М. Шангина, Т.Белозёрова, В.Макарова — маститых, ярких писателей, оставивших замечательные плоды своего труда. Сегодня наша писательская организация славится творчеством Ивана Петрова, Татьяны Четвериковой, Валерия Мурзакова, Павла Брычкова, Владимира Балачана, Сергея Прокопьева, Юрия Перминова, Марины Безденежных, Владимира Новикова (этот список можно продолжать). Произведения названных авторов бережат души читателей, заставляет думать, сопереживать, полнее ощущать красоту родины и жизни. Среди новых книг я бы назвала юбилейную книгу Т.Четвериковой «Собираю время». Она буквально ста-

ла для меня настольной. Если учесть, что я являюсь одной из многочисленных литературных учеников Татьяны Георгиевны, то можно было бы упрекнуть меня в предвзятости, но это не так! Четверикова, на самом деле, одна из ведущих поэтов-женщин, наших современниц. Её имя находится в одном ряду с Ириной Семёновой, Любовью Никоновой, Светланой Сырневой, Ольгой Фокиной, Новеллой Матвеевой... Интересными книгами в последние годы порадовали Ю.Перминов «Свет из мамино окна», В. Мурзаков «Полина» (в 2010 году он удостоен Всероссийской премии им. В. Шишкова), С. Прокопьев «Сага о цензоре», П. Брычков «Омская мозаика». А поэт и филолог М.Безденежных в своей очередной книге «Шаг навстречу» показала себя мастером поэмы. Публицист Иван Петров, подошел к своему 90-летию юбилею с новой книгой «Родной истории памятные строки». Владимир Макаров в последние месяцы своей жизни, всё-таки увидел свою долгожданную книгу «Под панорамой созвездий ночных».

— **Ваша организация славится своей работой с молодыми авторами. Расскажите, если возможно, об этом.**

— «Культура основывается вовсе не на любопытстве, а на любви к совершенству; культура — это познание совершенства», — говорил Арнольд Мэтью. Именно культуру, хороший вкус, желание видеть прекрасное, принимать его, ощущать и нести по жизни передают профессиональные омские писатели своим молодым коллегам. Богата на таланты земля Прииртышская, открыта душой, щедра. Не обделены её молодые люди литературными талантами. Но мало иметь какой-либо дар, нужно уметь развивать его, иметь хорошего, профессионального наставника. А быть учителем дано не каждому.

Литературное объединение при СПР в нашем городе, корни которого уходят к началу прошлого века, уже более 14 лет возглавляет Марина Александровна Безденежных. Она приняла эстафету от Татьяны Георгиевны Четвериковой, которая столько же лет ведёт «Литературную мастерскую» при Техническом университете. Знаменитые в городе Тара «Вечера на Александровской» проходят под чутким вниманием Татьяны Алексеевны Мальгавко. Действует клуб «Золотое пёрышко» в районном поселке Марьяновка, которым руководит поэт Геннадий Петрович Тарасов. В Калачинске активно работает секция «Творчество», ею руководит Геннадий Алексеевич Оселедцев, а в поселке Искилькуль секцию пишущих детей ведёт так же член нашего Союза Иван Григорьевич Лукьяненко.

В наши непростые дни, когда к месту и не к месту звучит новомодное слово «кризис», зачастую истинное подменяется ложным, на телеэкранах главными героями являются участники реалити-шоу, когда всю страну учат «становиться миллионерами» или «искать свою любовь», невольно задумаешься, а куда мы идём, какой путь выбираем? Вопреки телевизионному негативу пи-

сатели Омска не перестают «сеять разумное, доброе, вечное».

Вспомним стихотворение нашего земляка Леонида Мартынова «След»: А ты, / Входя в дома любые — / И в серые, / И в голубые, / Входя на лестницы крутые, / В квартиры, светом залитые, / Прислушиваясь к звону клавиш / И на вопрос дара ответ, / Скажи: / Какой ты след оставишь? / След, / Чтобы вытерли паркет / И посмотрели косо вслед, / Или / Незримый прочный след / В чужой душе на много лет?

Особенно плодотворными оказались для пишущей омской молодёжи 2008 и 2009 годы. Традиционный 35-й областной семинар молодых литераторов в Омске был проведён при финансовой поддержке Министерства культуры Омской области. В декабре 2008 года в его работе участвовали: Лола Звонарёва, Григорий Певцов (Москва); Александр Кердан, (Екатеринбург); Нина Ягодинцева (Челябинск); Иван Мордовин (Барнаул).

Всероссийские и региональные совещания молодых писателей (Тобольск, Челябинск, Оренбург, Сургут) позволили выявить одаренную, яркую, многообещающую молодёжь. Десять лучших молодых авторов, побывавших на этих семинарах, в очередной раз доказали коллегам по перу из других городов и своим сверстникам, что омская литературная школа существует. Тобольск по-новому раскрыл имена Григория Глушнёва и Егора Бокалова, который в последствие получил первую премию ежегодного областного литературного конкурса им. Ф.М. Достоевского в Омске (2008). В Оренбурге молодых литераторов принимал Союз Российских писателей (СРП), руководителем которого является Вячеслав Геннадьевич Моисеев. А Свириденко, А. Терлеева, А. Батюшкина, Н. Эйхвальд вернулись в родной город с дипломами, а Галина Рымбу получила возможность издать свою первую книгу в серии «Новые имена», которая выходит при поддержке Комитета по делам молодёжи Оренбургской области. Эта книга была отмечена в номинации «Поэзия» областной молодёжной премией им. Ф.М. Достоевского (2009).

Сургутский Всероссийский семинар неожиданно подсказал Анастасии Сергеевой новое направление творческой самореализации — литературную критику, а интересного поэта Николая Эйхвальда рекомендовал в члены СПР. Апполиарины Батюшкиной семинар открыл дверь в Литературный институт им. М. Горького для получения второго высшего образования.

Среди тех, кто не попал тогда на совещание отмечу начинающего прозаика Виктора Бована, который интересно работает в жанре миниатюры. Земляки на областном семинаре окрестили его «маленьким Пришвиным». Надеемся и верим, что в дальнейшем судьба его рассказов будет соответствовать этому имени. Ещё одно имя — Игорь Федоровский. Он порадовал всех и своей прозой и поэзией, можно искренне его поздравить с заслуженной первой премией им. Ф.М. Достоевского в номинации «Проза» (2009).

Из года в год совсем юные омичи участвуют в фестивале литературного творчества «Волшебная строка» в Екатеринбурге. В 2009 году его лауреатами стали братья Василий и Сергей Алексеев. В этом году Серёжа поступил в Литературный институт им. Горького. В этом году молодой поэт Елена

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 8 ➡

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ ОКРЕПЛА

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 7

Колесниченко стала победителем фестиваля и у нее под моей редакцией вышла первая книга «Тёплые сны зимы».

С творчеством этих ребят мы знакомы по конференциям научного общества учащихся «Поиск» с тех пор, когда они еще учились в младших классах. Уже много лет на ежегодные городские и областные конференции НОУ привлекаются в качестве членов жюри наши писатели. Это даёт возможность находить по всей Омской области одарённых школьников и в дальнейшем не оставлять их без внимания.

Мне всегда приятно, когда из поездов привожу весточку об успехах наших питомцев, когда коллеги по перу отмечают техничность, умение владеть словом, даровитость молодых земляков. Может быть, с нашей помощью, вырастут новые: Павел Васильев, Леонид Мартынов или Тимофей Белозёров! В любом случае, молодёжь, прошедшая такую литературную школу, уже не будет равнодушной к чистоте родного языка, не станет читать безвкусные книги, статьи и журналы. У этих ребят уже сформирован вкус.

«Поэт, если только он хочет быть настоящим поэтом, должен творить мифы, а не рассуждения», — изрёк Платон. Хочется, чтобы мифы, которые в душах, головах наших молодых литераторов, были прекрасны, несли свет, доброту, сострадание и надежду, чтобы они всегда помнили, какой силой обладают: «...В начале было Слово...»!

— **Какие проблемы стоят перед Вашей организацией сегодня?**

— Непростой вопрос, большой! Четыре года назад Омские писатели лишились здания, в котором прожили более 40 лет. Но и, не имея собственного помещения, не поддались панике, не самораспустились, а напротив, сплотились и с честью продолжают работать.

— **В таких условиях, наверное, многое бы решило государственная поддержка...**

— Определённая поддержка, несомненно, есть. Это выпуск «Библиотеки Омской лирики», раньше издавалось четыре книги в год, теперь в связи с кризисом — три, причём это на две организации: СПР и СРП. Сдвоенный ежегодник «Литературный Омск», в 2009 году вышел тиражом уже не 500, а 300 экземпляров. Есть и совсем небольшое финансирование раз в два года (и то не всегда) на традиционный областной семинар. Если уж говорить открытым текстом, то Омские писатели в самом прямом смысле — бомжи. Пятый год мы выселены из здания, не получив взамен даже комнатку. Зарплата, стипендий и материальных поощрений у нас нет уже десять лет. Идея создания ГУКа «Дом литераторов» много лет витает в воздухе... Но воз и ныне там! Как руководитель организации я все еще пытаюсь наладить контакт с властями, хожу по чиновникам разного уровня. В этом году Министерство Культуры закрепило за организацией юридический адрес при литературном музее им. Достоевского. Уже что-то... Но пока не будет закон о творческих союзах, вопросы кардинально решаться не будут. Как общественные организации писательские союзы на местах могут существовать только в зависимости от отношений с местны-

ми властями. Государственная поддержка писателям нужна. Не секрет, что писательским трудом в условиях рынка не проживешь, а чем еще может заработать пишущий человек?! Книгу нужно не только написать, но ещё и на что-то издать, распространить... Выстраивается целая цепочка, переходящая в замкнутый круг. Грустно!

— **Вы сказали, что в Омске есть еще и организация Союза российских писателей. Как строятся взаимоотношения с ней? Как Вы относитесь к идее возрождения единого Союза писателей в нашей стране? Или это атавизм прошлого?**

— В Омской области зарегистрировано четыре писательских организации, но действуют только две: Союз Российских писателей и Союз писателей России. С 1994 года организация СРП окрепла насчитывается около 30 членов (все уже в возрасте за 50 лет). Открытой конфронтации между нами нет. Писателей под одной крышей мог бы собрать упомянутый ГУК «Дом литераторов», как например в Оренбурге. Объединиться же организационно вряд ли получится, пока не уйдёт с арены уже и наше поколение, не говоря о ветеранах. Слишком разные подходы в организациях ко многим вопросам: к профессиональному уровню, к приёму в организацию... Конечно, проблемы у нас общие, и мы пытаемся решать их вместе. Если же говорить о фактическом объединении, то мне лично такое видится только через приём в Союз писателей России членов Союза российских писателей в индивидуальном порядке. Или пример другого свойства: Ассоциация писателей Урала, где прекрасно уживаются организации двух союзов! Это своего рода переходная организация к общероссийской писательской... При этом никто не отступает от своих принципов и уставных требований. Если бы во всей России создать подобную Ассоциацию! Но только в одной Москве уже более десятка вновь созданных писательских организаций. Как быть с этим? Да очень просто было разделяться, а теперь... Впрочем, роль клубов по интересам никто ещё не отменял. Может в будущем найдутся новые подходы к решению нашей проблемы. Словом, поживем — увидим...

— **Омская организация Союз писателей России входит в состав АСПУр. На Ваш взгляд, что это даёт писателям?**

— Омские писатели (на тот момент руководителем организации была Т.Г. Четверикова) вступили в Ассоциацию писателей Урала в начале нового века. Однозначного мнения о необходимости такого шага в нашей писательской среде тогда не было. Прошло время и теперь уже факты говорят о том, каким своевременным и верным было наше решение. Многие, очень многое делает для полноценной работы координатор Ассоциации писателей Урала, сопредседатель правления Союза писателей России А.Б. Кердан. Обладая талантом руководителя и организатора, являясь основной движущей силой и душой организации, в такие нелёгкие времена он смог объединить и зажечь общими идеями и делами сотни писателей. Мероприятия, проводимые АСПУр, на мой взгляд, заслуживают пристального внимания, изучения. Подобного опыта нет больше в

России. Для примера — созданная через несколько лет Ассоциация писателей Сибири не смогла достичь желаемых результатов и после первого же (явившегося и последним) пленума, фактически прекратила свое существование. Там не нашлось центральной, ключевой фигуры, которая смогла бы сплотить региональные писательские организации и расширить диапазон деятельности их вместе взятых и каждой в отдельности. Кердану это удалось. К уральцам с удовольствием присоединились многие сибиряки и писатели из Поволжья.

Ежегодно, меня географию, проходят конференции и пленумы АСПУр, где не только обсуждаются проблемы современной литературной жизни, библиотечных дел, образования, воспитания патриотизма, вопросов культуры страны, но и ведется поиск новых путей решения самых животрепещущих вопросов. Проходят торжественные церемонии вручения Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка и Международной литературной премии «Честь и Отечество», медалей «За служение литературе» (все перечисленное является детищем Ассоциации). Неизменны и яркие встречи с читателями, открытые диалоги, брифинги, пресс-конференции. Готовность принимать участие в мероприятиях Ассоциации выражают многие видные политики урало-сибирского региона, иерархи Русской Православной Церкви, руководители писательских союзов, деятели культуры и искусства и многие официальные лица. Ассоциация явилась объединяющим началом для двух (далеко не везде дружественных) союзов — СПР и СРП. На сегодняшний день постоянно выпускается журнал-газета «Большая медведица», где печатаются материалы — эссе, рецензии, поэтические подборки, литературная критика, культуроведческие статьи, проза. И все это охватывает 20 писательских организаций, вступивших в АСПУр. Издаётся альманах «Чаша круговая», создано и работает издательство (где я имела честь, напечатать книгу «Ожидание чуда» — стихи для семейного чтения). Но и это ещё, на мой взгляд, не самое главное. В начале нового тысячелетия пишущая молодёжь перестала иметь возможность участвовать в ранее доступных всем Всероссийских совещаниях молодых писателей. Прежде их проводил Союз писателей России. Такие традиционные в прошлом совещания и семинары открыли дорогу в большую литературу многим ныне известным прозаикам и поэтам. В условиях, когда центральные органы Союзов писателей перестали этим заниматься, Ассоциация взяла на себя проведение, как Всероссийских, так и межрегиональных совещаний молодых писателей. Не потерялся в массе самиздата и лжелитературы, бережнее относится к родному слову, научиться читать не только самого себя «любимого», но и коллег, беречь и развивать богатейшую русскую культуру, получить уроки мастерства, как говорится, из первых рук от опытных, известных всей стране писателей, обогатить свой литературный багаж в мастер-классах,

расширить кругозор и дружеские контакты, и, наконец, опубликоваться за границами своего региона, — всё это дают совещания, проводимые АСПУр. Являясь одним из руководителей таких семинаров и совещаний, вижу, какое талантливое и яркое растёт поколение молодых. В нашей области только за последние годы через такие совещания молодых литераторов, ряды нашей организации пополнились шестью новыми членами.

— **В конце нашей беседы, расскажите, пожалуйста, немного о себе, о своих творческих планах...**

— Родилась и живу в Омске. Окончила Московский Коммерческий институт, завершаю учебу на юридическом факультете МЭСИ. Секретарь правления Союза писателей России и член Координационного Совета Ассоциации писателей Урала, председатель правления Омской организации СПР, член-корреспондент «Академии поэзии». Лауреат премии им. Л.Мартынова.

На сегодняшний день я являюсь автором шести поэтических книг: изданных омскими издательствами: «Многозначие» (1995), «Потепление» (1996), «Сударыня» (2001), «Глядеть — не наглядеться в небеса» (2007), книги любовной лирики «Весна в ладонях» (Москва: Форум, 2009), и книги для семейного чтения «Ожидание чуда» (Екатеринбург: АСПУр, 2010). Стихи мои публиковались в литературных журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Форум», «Литературные незнакомцы» (все — московские), «Звонница» (Белгород), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирские Афины», «Начало века» (Томск,) а так же в антологиях, хрестоматиях, коллективных сборниках, альманахах. Переводились на болгарский и немецкий языки. На многие из них написаны песни, собранные в нескольких музыкальных дисках «Созвучье нот и слов» (Омск). Следующий год для меня юбилейный. Планирую издать к маю новую книгу стихов, собрать книгу рассказов, продолжить работу над стихами для детей.

Пользуясь случаем, хочу еще раз отдаленно выразить слова благодарности Александру Борисовичу Кердану и пожелать ему силы духа, новых творческих свершений, а так же преданных и верных соратников в нелёгком и нужном деле объединения писательского сообщества. Всем коллегам по перу желаю здоровья и оптимизма. Верю, что наступят позитивные перемены и государственные структуры наконец обратят внимание на писателей. Будем же гордо нести объединяющее нас всех звание русских писателей.

Храни всех Бог!

Беседовала Анна АРЕФЬЕВА

Юрий Бриль ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН

(Окончание.
Начало в предыдущем номере)

Вот она, геенна огненная. Смотри в корень, корень слова... А я был уверен: нет ада. Лично проверял. Гиеном — место в долине Кедрона. До единобожных иудеев на территории Иерусалима жили язычники, поклонявшиеся Молоху. Они приносили в жертву своему кровавому божеству младенцев. Бросали в огонь и, чтобы заглушить крики несчастных, неистово били в барабаны. Дурная слава у этого места: во времена Иисуса, сына Давидова, здесь была устроена городская свалка, постоянно дымились кучи мусора. Я же увидел на чистеньком зеленом газоне играющих детей. Где же тогда ад?... Уж не во мне ли самом?

...Одна гиена в потрепанной полосатой шубейке горбилась под ветром, стоя на трех лапах, поджав четвертую переднюю, раненую. Остальные лежали. Скинхед, готовясь к ужину, прокусывал, прощелкивал шерстку на бойцовских лапах, острил зубами когти.

В полусне-полубреду адские гиены уже рвали мое тело.

Эта хромоножка в шубейке трансформировалась в противную старуху, а я в мальчика Георгия. Я видел наш старый дом, с линяющей штукатуркой, крашеный в печально розовый цвет. Наш тусклый двор с сараюшками и погребушками, асфальтовую лужайку, на которой цвели окурки и плевки, соседей, взрослых и детей. Мальчик Олег катался на новеньком очень красивом велосипеде, а дети завидовали. Каждый бы хотел прокатиться на таком. И я стоял, и я мечтал прокатиться. «Безотцовщина! — прошипела противная старуха. — Чего тебе тут надо?» Я сжал кулаки и ушел. Еще и сейчас, достигнув возраста много старше моего отца, не привык к сиротству. Это стылое ощущение навсегда. А тогда... Я держался за руку отца и жил в сказочно ярком и красивом мире. Но вдруг все померкло. Солнце очень редко освещало наш двор. Подрастая, все чаще сжимал кулаки. В нашем социальном зоопарке был особый этикет, по которому на «дай закурить!» следовало отвечать кулаком. Нет уж, лучше выбраться из подземелья. Выбрался. Зачем это мне опять?...

В моем полусне-полубреду оставался сторожевой фонарик сознания, я помнил правило: если перевернуться на другой бок, сон сменится. Сделав невероятное усилие, перевернулся — сон сменился.

Я видел дворника. Он парил в черном плаще-крылатке высоко над Махтеш Рамоном. Помахивая розовой метлой, расчищал черные хлопья облаков. «Пеплопад, — объяснил он мне. — Прикинулсядохлым наш вулкан Рамончик — сам втихаря гадит по ночам. А убирать кому? Мне, конечно». Дворник помахивал метлой — небо на глазах светлело, становилось первозданно чистым. Как человек воспитанный в духе материализма, я даже во сне не мог себе позволить усомниться в незыблемости законов гравитации. Что-то должно было объяснить этот дерзкий опыт дворничьей левитации. Присмотрелся и увидел: конечно же, хитрюга дворник

подвизался тоненькими веревочками к журавлям, которые клином замедленно тянули к восточному краю Махтеш Рамона.

И я опять предпринял героические усилия, чтобы перевернуться на другой бок.

Опять на меня набросились гиены, но откуда ни возьмись появился дворник. «И-а!» — подставил он метлу. Скинхед, задев лапами за древко метлы, кубарем покатился. Хрюкнув, бросилась на дворника бандерша. «Получай!» Ловкий дворник-ниндзя крутнулся в воздухе, кончик метлы прямо в пасть — хрумс...

Перевалился на другой бок, как переваливается старый, обросший ракушками баркас.

Теперь я видел экзекутора-математика. На нем, как и много лет назад, допотопный коричневый в полоску костюм. Приподнимается на цыпочки, туфли скрипят. Аккуратно, взяв длинный мелок за кончик, рисует на доске цифирки. «А теперь выйдет к доске мой лучший друг Георгий, — косит бесцветным водянистым глазом, математик почти не изменился, только пегая шерстка выросла на лице, круглые ушки на макушке, торчащий вверх нижней губы клык стыдливо прикрыт надутым платочком. — Будешь решать задачу с тремя неизвестными. Мне нужен точный ответ. Пока не получишь, будешь стоять у доски. Хотя бы до окончания времен».

И опять, чтобы избавиться от этого кошмарного сна и войти в другой, я с неимоверным усилием перевалился на другой бок...

Мягко коснулся лица солнечный лучик. Еще не открыв глаза, увидел свою комнату, склонившуюся надо мной чайную розу, которая частенько радовала меня неожиданно взорвавшимся красным цветком, услышал дыхание моего друга Найка. Пес лизнул меня за ухом, деликатно намекая, что пора выгуливать... какое-то краткое время я наслаждался сознанием, что вся эта фантазмагория с гиенами — бредовый сон. Однако в этом ощущении безоблачного покоя вдруг закралась тревога: что-то не так — ну да, конечно, моего друга Найка нет, похоронил. Открыл глаза — луч света, вполне настоящий, просачивался сквозь ветхую стенку пещеры. Продвинулся дальше вглубь и увидел дырку побольше, такое маленькое оконце. Передо мной предстал во всей своей огромности и великолепии кратер Махтеш Рамон. Небо уже осветлело, солнце поднималось, ломая цепь обрывистых гор, растекаясь кровавой киноварью по всему восточному краю; обнажены, цветисто светились глубинные недра — от радикально черного до охристого и бледно-розового клубились пары, варилась геологическая история. Две с лишним сотни миллионов лет — человеческая жизнь — лишь мгновение, вспышка в ночи.

Я исследовал пещеру самым тщательным образом, дырка была слишком мала, чтобы в нее протиснуться, но если бы я и протиснулся, то летел бы триста метров вниз. Я вернулся к своей баррикаде, вынул несколько камней,

чтобы посмотреть на своих врагов, оценить соотношение сил. Из резко очерченных черных ноздрей шел пар. Внимательные глаза смотрели в мою сторону. Сутулая так и стояла на трех лапах, поджав одну переднюю, как любимую, смотрела в мою сторону, мне показалось, устало и укоризненно. Мы встретились глазами, она покрутилась на месте, ища удобное между камней место, прилегла, лизнула ушибленную лапу. И это я понял как знак к тому, что осада предполагается длительная. Были такие случаи в истории. Римляне осаждали крепость Масаду несколько лет, и когда иудеи поняли, что конец неизбежен, они убили жен и детей, убили себя, чтобы враги не надругались над ними. Мне тоже надо было выбирать одно из двух зол. Я уже подступался к подобной проблеме. Слабеть на больничной койке и умирать в больнице мне категорически не хотелось. Господу было угодно продлить мои дни. Однако увечье, которое нанесла мне родная медицина, спасая меня, таково, что жизнь уже воспринималась как тяжелая каждодневная работа. И я все чаще задумывался о неизбежном отдыхе. Ни в коем случае я не стремился к нему, однако легко расстался с нажитой с годами осторожностью. Бесшабашность инвалида — это тоже, согласитесь, нелепость. Ведь можно стать еще более глубоким инвалидом. Нет уж, если рисковать, то по самому большому счету.

...Я вынул из рюкзака свои запасы. Три яблока, апельсин, немного орехов. Побултыхал коробку с соком — есть еще с пол-литра. Подкрепившись, я почувствовал себя вполне здоровым и крепким. Вооружился алюминиевым колышком от палатки, полез к окошку и попробовал колупнуть камень. Желто-серый известняк сам расслаивался; стоило его поддеть, крошился, просыпался мелким щебнем и песком. Не составляло особого труда расширить оконце настолько, чтобы пролезть в него. Я работал неторопливо, увлеченно, находя удовольствие следить, как отлетают куски породы и с грохотом падают в пропасть. Было реально найти еще один выход из положения: я мог последовать за этими камнями. Вариант остаться в пещере и ждать спасения извне я даже не рассматривал. Без воды долго не протянешь — мучительная голодная смерть? Нет, уж лучше сразу.

...Несколько ниже, в метрах двух, я углядел каменный карниз. Недолго думая просунул ноги вперед и спарашютировал на него, обрушив с собою груды камней. Путь назад был отрезан.

Я вдохнул полной грудью, солнце уже поднялось высоко, Махтеш Рамон опять предстал передо мной во всем своем потрясающем великолепии. Ветер напористо дул в лицо, хлопал лапами раскрыленной ветровки. Пьянящий восторг и гордое сознание того, что я смог, решился, сделаю этот последний шаг. Замру от счастья на несколько секунд полета — все и больше ничего — вечность. Я пополню собой замечательный гербарий, который собирала здесь природа миллионы лет. Мое место отныне среди аммонитов, брахиоподов, древних черепов и ракообразных, что ползали и плавали в мировом океане, окаменели и остались в истории Земли навсегда. Возможно, и я впечатаяюсь в камень. Я был в своем уме, относительно здоровья и, как мне казалось, на вершине духа. И был бы разочарован, если бы в этот момент надо мной завис спасательный вертолет и спугнул торжественный момент. Я

пошел по карнизу, выбирая место, откуда должен был стартовать в манящую глубину. По карнизу можно было пройти еще с десяток метров, далее он сужался и обрывался вовсе. Я посмотрел вверх — мои неотступные друзья гиены провожали поверху.

— Ну что, съели!?! — торжествовал я. — Вот вам на завтрак, — и я подбросил бейсболку.

Бейсболка не долетела до поверхности самую малость. Мой лучший друг Скинхед дернулся, чтобы схватить ее зубами, почва под задними лапами подломилась — и он вместе с камнями и бейсболкой грохнулся в пропасть. Ветер как-то сразу стих, крылья моей ветровки опустились. Глянул вниз — и испугался — меня повело, я едва удержался, чтобы не последовать его примеру. От резкого движения пронзило болью в руке, колени дрожали, прошибло потом, защипало залитые им глаза. Бухавший во мне победный оркестр замолк, и я как-то сразу сдулся в собственной значимости и исключительности.

Гиены провожали своего поделника долгим соболезнающим взглядом. Черная морда бандерши отлипла от края пропасти, и за ней враз как по молчаливой команде после минуты молчания, приподняли морды и все остальные. Гиены пропали — осада снята. Но это уже не радовало. Назад не вернуться, стенку не преодолеть. В небе послышался гул самолета, надо мной не очень высоко пролетел «боинг». Цивилизация присутствовала, пустыня не была беспредельной, что еще больше подчеркивало все ехидство моего положения. Да хоть заорись — никто не услышит. Крохотные арабские веро-бушки устроили кутерьму передо мной. Их веселое щебетание говорило о том, что они нисколько мне не сочувствуют, больше того, вообще не замечают. Наверно, пернатые презирают тех, кто не умеет летать. Ведь это так просто, так естественно: взмахнул крыльями и... камень, за который я взылся, отвалился, ударил по ноге. Ботинок, имевший в носке металлический каркас, отвел удар. Нет ничего более надежного в мире, чем мои ботинки. Все-таки я правильно сделал, что не скормил их гиенам.

Теперь я продвинулся до самого края карниза, здесь можно было стоять, только прижавшись к стене. Ниже, гораздо ниже и правее, я отследил три идущие уступом один за другим каменные столбики. Подо мной стена уже не была строго отвесной — горный отвал, сыпуха, измельченная до состояния щебенки порода. Если смотреть только перед собой, а не заглядывать под ноги, то совсем не страшно. Я шагнул на эту сыпучую зыбкую почву, ставя ботинок ребром, чуть проехал вниз, закрепился, точно так же поставив ребром и другой ботинок. Шагнул, закрепился еще, еще... Сыпуха ползла вниз, однако я перебирал ногами и также двигался в сторону заветного каменного столбика. Я скользил все быстрее, и прежде чем меня увлек гудящий селевой поток, рванулся, плашмя упал на спасительный каменный бугор. Лавина песка и камня, грохоча, прокатилась подо мной. Мой расчет оказался точным, теперь я мог продвинуться по горизонтали, подстраховываясь тут и там торчащими надежными скалистыми выступами. Если мне удастся преодолеть врезавшийся в котловину узкий каньончик, тогда я выйду к одному из самых пологих спусков впадины, где раньше

Юрий Бриль ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН

⇒ ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 9

проходила туристская тропа. Живя на Урале, я немало полазил по горам, видел достаточно и других гор, но эти горы ни на какие мне известные не походили. Здесь требовалась особая осторожность, и нужно было крепко подумать, прежде чем за что-то схватиться, куда-то наступить. Каньончик крепкой скальной породы внушал доверие. Тщательно рассчитав все свои движения, все камни, на которые я должен наступить и за которые я должен схватиться, я решил, что вполне смогу пройти по горизонтали.

За каньоном открылся несколько иной пейзаж, который меня приятно удивил. Туристская тропа оказалась ближе, чем я предполагал. Спускаясь по крутому косогору, она делала стремительные зигзаги. Несколько участков сохранили деревянные лестницы. Самая верхняя лестница тянулась ко мне снизу и не дотягивалась до меня. Я прыгнул на сыпучую песчаную кручу, схватился за лестницу, забрался на нее и начал медленно спускаться. Она тряслась подо мной, ерзала, предупреждая о своей полной ненадежности. Как я ни старался быть невесомым, мне не удалось — лестница поехала, верхний конец ее оборвал крепление и стал съезжать, скребясь о скалу. Хорошо еще, что она более надежно была закреплена снизу, и это ей мешало хрястнуться со всего размаха. Лестница замирала в своем смертельном медленном скольжении, вновь страгивалась с места, скребла по скале, наконец зацепившись за круглый каменный выступ, похожий на балкон, замерла. Я мог пробраться по лестнице к этому балкончику, до него было рукой подать. А дальше что? Путь тупиковый. Куда перспективнее было переправиться по лестнице к нижнему ее креплению. Там тропа продолжалась крутыми спусками, обрывками лестниц. Лестница потрескивала подо мной, покачивалась, готовая провалиться каждую секунду. Я передвигался медленно, стараясь не делать резких движений. На самой середине она опасно прогнулась и затрещала, конец, опиравшийся на балкон, сдвинулся, задрался готовый соскользнуть вниз. Уняв дрожь, я восстановил равновесие, пополз с величайшей осторожностью. Одно резкое движение — и я рухну вниз вместе с лестницей. Лестница перестала угрожающе трещать, однако ее опасный верхний конец еще сдвинулся на несколько сантиметров. Наконец я спешился с лестницы. Утвер-

дившись на земле, я с наслаждением пнул лестницу — и этого несильного удара было достаточно, чтобы она скользнула вниз, ударилась о каменный выступ, разлетелась на куски.

Довольно долго и без особых хлопот я спускался по каменистому склону, забирая то влево, то вправо, следуя тропе. Без особых приключений преодолел два лестничных пролета. Дальше косогор. Было очевидно, что без страховочной веревки спуститься по нему невозможно. Я присел, размышляя о непоследовательности тех, кто обустроивал тропу. Там лестница, а тут ее нет. Где логика? Внимательно разглядывая вновь возникшее непреодолимое препятствие, я увидел прибитый к камню отрезок каната. Так, держась за него, можно было продолжить спуск. Те, кто обустроивал эту тропу, оказались весьма предусмотрительны, с помощью этих нехитрых канатных держалок я почти и достиг дна котлована. Оставалось каких-то тридцать метров. Но каких?! Отвесная стенка, даже с небольшим отрицательным отклонением. Я ходил по краю обрыва, чувствуя себя одуроченным. Так не бывает, так не должно быть... Битый час я размышлял над превратностями судьбы, потом заглянул вниз и увидел железные скобы, вбитые одна под другой, — они являли собой чудесную лестницу, по которой можно было спуститься. Я не сразу и глазам поверил, а спускаясь, все равно ожидал подвоха. Кончатся скобы посередине или вывернется какая-нибудь плохо приколоченная? Но нет, обошлось. Наконец я утвердился на горизонтальной плоскости, самом дне кратера.

В горле пересохло от жажды, губы потрескались. Черт побери, разве я не заслуживал глотнуть сока и малость отдохнуть?!

Я сидел на песке, прижавшись спиной к скале, глядя на подсыхавшее русло ручья. Ручей в пустыне — тут его называют нахаль — живет недолго, русло ручья — свежее воспоминание о дожде — было влажным. С высоты овражек казался неглубоким, но сейчас я видел, что он достаточно глубок и извилист. Вдоль него росло довольно много тамариска, и я подумал, что надо бы обследовать деревья. Если повезет, найду манну. Ту самую манну, которой Господь питал иудеев во время их скитаний по пустыне. Если Моисей и его народ собирали манну, которая сыпалась с неба, то бедуины соскребали ее по весне с тамариска. И в скудной жизни бедуинов есть свои радости. Я, ка-

жется, немного отмяк и уже начинал вкушать их: отдыхал и наслаждался пейзажем, находя его по-марсиански живописным. Как красиво змеился овраг, сколь прихотливы его изгибы и прорезанные водой в склонах ветвистые морщинки, которые точила годами, как слезы, скупая влага пустыни. По склонам цвели фиалки и журавлики. Чуть тронутые фиолетом кустики обозначали

путь к подножию черной горы. В котловане было несколько черных гор, эта самая большая. Хотя на глаз истинные ее размеры определить было невозможно в силу присутствующей здесь масштабной несоразмерности, человек в ней терялся и делал неправильные выводы. С точки, откуда я смотрел, гора казалась большой, даже величественной, — отлитое древним вулканом огромное животное, оно по-кошачьи уютно свернулось клубком и дремало до скончания времен. Были еще горы, но, по сути, они находились в яме, размеры которой были таковы, что эти горы можно было представить горками, холмами или просто неровностями дна.

Было хорошо, я медитировал на самом дне древнего мирового океана и вдруг увидел невесть откуда взявшегося котенка. Он играючи скакал вдоль по оврагу, едва касаясь земли, легко перелетал с одного склона на другой, сигал через копна пышных здесь буро-фиолетовых растений. Светло-пегий, почти белый, с яркими черными пятнами по всей шкуре котенок приближался, вырос и становилась большой и очень даже большой кошкой... Гепард! Мой глуповатый восторг прошло ознобом страха. Рука сама собой нащупала камень. Страх и восхищение владели мной. Однако гепард мчался прямо на меня — так мне, во всяком случае, казалось. Сердце упало — страх, животный страх пронизал меня, хотя еще рот был восторженно открыт. Метрах в десяти от меня гепард забрал левее, и я увидел нескольких оленей, которых он и преследовал. Я выпустил из руки камень...

Как будто меня кто испытывал. И я опять, в который уже раз, не выдержал испытания. А что особенного? Кошка, ну несколько крупнее обычной. Другое дело, выскочил бы динозавр. Здесь, в этом заповедном уголке пустыни, многое возможно.

Солнце уже стояло высоко и палило со всей прямой. Моя бейсболка была бы кстати. Я пошел вдоль каньона, надеясь найти ее. И действительно вскоре ее увидел. Она лежала рядом с трупом моего врага, на котором торжественно пировал траурно-черный гриф. Неподалеку сидели, дожидаясь своей очереди, два грязно-белых стервятника. Испачканный в кровавой слизи клюв нырял со стороны ануса, доставая смачные кишочки. Маленькая головка на голой красной морщинистой шее повернулась, гриф встряхнулся, как абрек, запахивающийся в бурку, спешился с добычи, почтенно отступил на два шага, признавая мой приоритет и приглашая на ужин.

Над трупом Скинхеда кружила оса, на белом обломке ребра, торчащем из окровавленного брюха, сидела зеленая муха, подтягивалась на трапезу жук-троед. Стервятники раскачивались на своих ногах-палочках, ревностно следили за мной. Так у нас смотрят на ветерана, имеющего право обслужиться вне очереди.

«Мне нужна только моя бейсболка».

Не оборачиваясь, я пошлепал походкой командора в сторону Мишле Рамона. Глубокой ночью я подошел к дороге, что пересекала впадину со стороны Эйлата, здесь она становилась на дыбы и крутыми виражами выкручивала наверх к городку. Восхождение даже по асфальту мне было не по силам. Выверив направление ветра, залег за камнем, завернувшись в палатку.

И опять тянули жилы и глодали кости гиены. Снился застенчивый мент, который регулярно останавливал мою машину и вымогал взятку. Снился чинов-

ник, который уже десять лет возвращал мне документы на приватизацию дачного участка, находя какие-то несоответствия... тут я допустил непростительную оплошность, не успел перевернуться на другой бок, чтобы переменить сон, и задушил чиновника в его же кабинете...

Был еще утренний, дворницкий час, и я встретил дворника. Он торопился куда-то, идя мне навстречу. В руке розовая метла.

— Вот полюбуйся! — воскликнул он, поравнявшись со мной. — Что эти сволочи сделали с моей метелкой!

Метла в самом деле была изрядно потрепана, к тому же и совсем коротышка.

— Извините, как бы мне на автобус не опоздать. Мне еще надо попасть в Эйлат.

— Может и надо, — задумчиво сказал он.

— Надо!

Через два часа я уже был в Эйлате. Стрельнул такси, съездил в подводную обсерваторию, потом сидел на Коралловом пляже и тупо смотрел на ненормальных израильтян. Разыгрался шторм. А им только шторм и подавай. Им только бы поймать парусом ветер, им только бы заплыть подальше, выбрать самую большую и свирепую волну, обмануть ее, подкравшись, и, улучив момент, вскочить на доску, лихо прокатиться на грохочущем ее хребте. А еще лучше подняться над бушующим морем, выбросив в небо парашют, обуздать безумствующий ветер. Ловкие и смелые они носились над морем как черти. Было большое удовольствие мне, размазанному по песку, смотреть на них.

Ботинки я позволил себе снять, однако не был уверен, что смогу их снова надеть, — ноги распухли настолько, что выглядели на пару размеров больше ботинок. И носки снял... Целительный морской воздух обдувал ступни, каждая клеточка пела мне осанну, какой же я замечательный, что дал отдохнуть, перестал мучить... И тут во мне, дремучем эксплуататоре, шевельнулось нечто похожее на совесть: может, я не прав, может, надо как-то поаккуратнее обращаться с ногами и вообще со своим телом? Мне же оно было дано в полном порядке...

Можно было прямо тут на пляже и раскинуть палатку, но меня потянуло опять в пустыню — благо она рядом. Обходя по периметру заборчик полевой школы, я заметил валявшийся у мусорного бака поролон. Я подхватил мягкую подстилку и, высмотрев укромное место, поставил палатку прямо на нее. Получилось ложе — царь Давид о таком не мечтал: только лег — и в тот же момент уснул, и сон мой был глубок и покоен. Я проспал ровно 16 часов. Проснулся бодрым и счастливым. Расстегнув палатку, я увидел гору и на горе помеченный белой и синей полосками камень; понятно, здесь начинается тропа туристов. Я не прочь бы еще пошататься по Эйлатским горам, встал на ноги — и сразу сел: понял, эту мечту следует отложить на неопределенное время.

— Такси! — крикнул я, высовываясь из палатки. До такси было далековато, не докричаться, ближе стоял на привязи верблюд. — Послушайте, коллега! — обратился я к арабу, хозяину верблюда, который как раз и зарабатывал горбом своего дромадера, катая праздных туристов. — Будьте любезны, подбросьте меня до такси.

ОПОРА И НАДЕЖДА

Роман Зои Прокопьевой о жизнестойкости русского народа поддерживает веру в неисчерпаемость его духовных сил

Молва об этом романе с неброским названием «Своим чередом» дошла до меня раньше него самого. С Севера написали по электронке: мол, у тебя Челябинск под боком — вышли, как сможешь, обязательно надо прочесть.

По северным меркам двести километров — и вправду рукой подать. Но когда тираж всего тысяча экземпляров, а в книжных магазинах Екатеринбурга и местные авторы сыщутся не вдруг, расстояния уравниваются. Так что спасибо Всероссийской премии имени Бажова за 2009 год, которой этот роман был отмечен после своего третьего переиздания: всё-таки возможность читать хорошие книги — неплохое вознаграждение за участие в работе жюри.

А когда все открытия и требующие порой просто внимательного редакторского взгляда шероховатости текста остались позади, шокировала последняя строчка — «1977–1982 гг.». Как? Всё, до чего собственными пробами и ошибками ты добирался сам, размышляя о недавней истории и современности Отечества, Зоя Прокопьева написала уже в начале 80-х? Уже тогда читатель мог испытать этой горькой уверенности в том, что, хотя личного безмятежного счастья Родина каждому из нас отнюдь не гарантирует, русский народ преодолеет всё?..

Потерянный рай

«...Томительная тишина... окутывала баню, огороды, травы, и мнилось Нилу, сидящему на чурочке у двери, будто и нет никакой жизни вокруг, будто и не жил он никогда до этой минуты. Хотелось остаться тут навсегда...» Ощущение, знакомое каждому, кто подобно пришедшему издалека главному герою Нилу Краюхину после знойного и страдного дня так же сиживал на закате где-нибудь во саду ли в огороде.

Образ земли обетованной дополняют рукотворные красоты деревни Истошино: «ворота резные, с витыми столбами, наличники кружевные, тетины у крылечек расписные, полотенца с коньков крыш причудливые...» И жители её «высоки ростом, дружны и степенны», знают цену себе и мастерству, которым завоевывает уважение к себе герой, работая в кузнице.

Многое, однако, мешает разделить уверенность одного из интерпретаторов романа в том, что эта деревня представляется автору райским местом. Красоты объясняются весьма просто: ещё при первом Петре первый Демидов скупил-собрал сюда со всей России искусных резчиков по дереву и камню. А чтобы душа у них тосковала и от тоски той резьба выходила диковинней да краше, жениться они были должны только по выбору приказчиков. Вдобавок по соседнему большаку день и ночь в уральские и сибирские рудники шли каторжные этапы.

Так что и горевал здешний народ, и спивался, и руки на себя накладывал. Мало-помалу, правда, мужики обрastaли достатком, ибо мастерство да заказы позволяли, месяц простояв за верстаком, на год обеспечить себя хлебом. Однако и веселились в этой деревне примерно так же, как раньше плакали, соответствуя укрепившемуся в устах

слегка переименованному названию — Истошное.

Особенно веселье расплёскивается после наступления Советской власти, но явно не столько от радости и богатства безмерного, сколько от безделья — заказчиков-то повывели, в том числе с участием самих истошинских мужиков. Граммофоны «надсажаются» почти в каждом доме, однако ни магазина, ни больницы, ни школы по-прежнему нет, так что жизнь, как раньше, протекает между красивой церковью и погостом.

— Ох, не к добру веселятся... — говорит дряблелица, но голубоглазая и подвижная скиталица бабка Дарья, уходы и возвращения которой за истошинцам в ключевые моменты их жизненных и смертных перипетий превращаются в один из стержней романного действия. А толчок ему даёт появление колючей чрезвычайной тройки, которая в два дня раскулачивает всю деревню за исключением горького пьяницы Митрохи. Ибо у него из имущества только отцовский резной столб посреди сарая, а в остальных 67 дворах «люди живут, как бары, а некоторые даже середь бела дня валяются на полу на перинах», и даже не дают себе труда сосчитать имеющуюся у них скотину. И вообще «вся деревня какая-то с придурью...»

Освобождённый от имущества мастеровой народ оказывается перед выбором: либо пристать к земле в колхозе, либо завербоваться на строительство тракторного Гиганта — точнее на лесоповал для его нужд. Хрен редьки не особенно слаще, но есть надежда, что, по словам одного из истошинцев, «рядом-от с лесом и руки не загрубнут, и душа помене будет мытариться...»

Столь беглое изложение, разумеется, не передаёт всех нюансов завязки, тем более что вместе с реалистической линией романа нарастает и её метафорическая, фантастическая оплётка, подчас доходящая до мистики, фантазмагории и гротеска. У истошинцев не только горе и веселье, но, как показывает история Шурки Лукьяновой и Клима Ивина, до того ссорившего трёх жен, и любовь без меры. Не столь уж великую деревню Нил обходит три дня, а один пришлый учёный, по словам Дарьи, «только через месяц вышел к церкви» да так и остался перед нею до зимы — всё налюбоваться не мог. К самой Дарье накануне свадьбы с неба слетает звезда — тёплый камушек. Но муж-злыдень, что потом оттяпал ей топором два пальца да угорел с её помощью, выбросил камушек в омут — и тот по ночам светится.

Ещё одним стержневым образом повествования с первой главы становится алый розовый куст, посаженный мечтателем Иваном Востриковым на той болотистой непаши, где взбаламученные им мужики попытались создать коммуны «Райский сад». Попытка оказалась неудачной, люди пообносились и вернулись домой, но куст прижился. Его терпкий запах «дурманил головы мужикам, побуждая одних видеть странное диво — какую-то чудно-счастливую жизнь в белых городах-садах, других — то летать над землей со скоростью ветра, то парить над горами,

лесами, морями, третьих — блаженно улыбаться, будто они постигли что-то неземное или увидели призрачное, от чего все остальное в жизни — трывтрава...» И в пяти шагах от куста люди «летали, исступлённо плясали, пока не падали на колени, или плакали и обнимались».

Именно помочь построить новый город, новый завод в нём, а потом и дворец, при возведении которого непременно пригодятся их таланты, призывает истошинцев вербовщик Гигантоstroy с говорящей фамилией Бедяев. Именно эти розы «с тяжёлыми каплями росы на лепестках цветов и листьях» несёт Востриков перед толпой будущих дровосеков и землекопов. Именно этот куст — единственное, что, будто в насмешку, не трогают дорожные воры, подчистую расхищая пожитки переселенцев. И когда на тринадцатые сутки состав по заброшенной ветке прибывает в практически нетронутые леса Северной области, именно куст волочит за собой Ивана — озаряя дорогу. И сам вышагивает из мешка и вырастает на круглой поляне под крупными звёздами и могучими деревьями...

Коммунары поневоле

Камчатка, на которую, согласно известной фразе Гоголя, отправь русского мужика — и тот, похлопав рукавицами, тут же пойдёт себе рубить новую избу, обычно представляется как пример последней крайности. У героев романа Прокопьевой, когда их сгружают в лесу, нет ни рукавиц, ни топора. И если слышал или читал рассказы тех, кто в своё время был реально раскулачен и сослан на Север, понимаешь: ситуация эта — отнюдь не авторская гипербола, не для красного словца. Правда, кое-какой инструмент по воле автора всё же находится — у местного обходчика Трофима. И почти тут же пускается в дело, поскольку надежды на приход обещанного вагона с провизией тоже нет.

То, что во главе добравшихся живыми переселенцев становится тридцатилетний Нил — почти случайность. Ну, пал на него взгляд старшего по эшелону. Ну, валил он раньше три года лес на Северном Урале по вольному найму. И что? Ничего в предшествующей, хотя и заполненной трудом биографии Нила о его готовности к лидерству и ответственности вроде бы не говорит: «...на лихом коне гонялся за белыми бандами, потом торговал гвоздями...», взялся продать цистерну керосина», причём неудачно. А потом вместо гвоздей и стекла для будущего барачного городка закупил два вагона балалаек, «подумав, что в бараках тоска и злоба». И, доставив эти вагоны к месту назначения, был мгновенно уволен.

Хотя покупка «музыки» может свидетельствовать о благородных наклонностях и тоже требует определённой решимости, она вряд ли говорит об изначальной готовности принять на свои плечи ответ за триста с лишним душ. Однако на краю человек вполне способен к резким переменам. А речь и впрямь о жизни и смерти: середина августа, лист желтеет, ночи стынут, две

недели до белых мух — и ни жилья, ни еды...

Так что энергичные распоряжения Нила — развести костры, строить шалаши, плести рыболовные сети, валить лес на дома, искать глину на кирпичи — воспринимаются как должное. И даже Иван Востриков, призывавший было мужиков не губить окрестный райский сад, уже выращенный Всевышним, включается в общую работу. А утром следующего дня рождается первый ребёнок. И тут же появляется нужда в первой могиле, ибо мать — вдовца безвестно отставшего на какой-то станции мужика — оставляет новорожденного круглым сиротой.

Под водительством «гения базара» Луки Хитрова через неделю на ближайшую — в полусотне километров — станцию Петушки отправляется пеший караван с корзинами, ложками, ковшами и прочей деревянной мелочью. И возвращается не только с солью, сахаром, мукой, табаком и огромной кастрюлей, но и с двумя ружьями и двумя лошадьми в поводу. А кроме того — с вестью, что в Петушках о поселенцах ведать не ведают и знать не желают...

Словом, не до балалаек. Но Перфилий Лопухов, валя лиственницы не только для барачков, но и для будущих крестовых домов, предусмотрительно оставляет «где большую пихту, где ёлочку, где куст рябины, где берёзку». И чтобы те дома было кому впоследствии занять, люди решают «держаться дружнее, береги друг дружку» — словом, стать той самой коммуной, которая оказывается средством не строительства светлого завтра, а выживания в обездоленном сегодня. А Нил с запёкшейся от забот душой убеждает старого священника отца Сидора, который, как помнили в деревне, «крестил и учил не только их детей, а и отцов, и прадедов», что силы найдутся и на церковь: «Надо! Чтоб верили — надо! Чтоб верили, что беды временны — надо!..»

Что пережили — то в книге, в том числе события фантастические, кои, впрочем, по нынешним временам можно назвать и Божьим промыслом. К весне в лесную землю ложится почти треть коммунаров поневоле.

Однако остальные выживают. И церковь закладывают на высоком фундаменте из плитняка. И детей своим художествам учат: вместе с истошинцами в их эшелоне как на подбор оказались мастеровые — гончары из Гнилушей да художники из Хитрово. И начинают, не торопясь, дома ставить, и запастись одеждой, скотом и провизией на новую зиму. И свадьбы первые играть, вручая молодожёнам стальные кольца, но вспоминая из свадебных обычаев своей земли только слово «Горько!». И даже, помня о данных ими обязательствах, лес валить для Гигантоstroy — причём с помощью медведей.

На Пасху с косяком кошек приходит Дарья, которая покинула Истошино накануне его разорения, ибо «насмотрелась по свету на чужое горе, а увидеть горе близких ей страшно». И рассказывает, что оставленные дома поросли травой, живут там галки да вороны, а «церква стоит, как вчера из неё вышли». Но то ли очерствели за зиму истошинцы, то ли самое главное взяла-таки с собой, а слушают они её «без тоски и без всякого сожаления о покинутом, словно... здесь, в глухоманном, суровом краю» было «уже что-то выстраданное,

ОПОРА И НАДЕЖДА

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 11

прикипевшее к сердцу». По меньшей мере, погост в роще, которую так и называли — крестовой.

Нил, ещё горя о своей первой возлюбленной — пропавшей Дарьиной дочери Ульяне, обретает новую — Катерину Лопухову, которая постепенно превращается в одну из главных героинь. И они торопятся любить друг друга «как перед смертью или будущим одиночеством». Что вполне оправдывается утренним появлением представителей власти, которые доставляют в Бедаево, как именуются лесной посёлок, предписание выехать в Гигант. Два дня на сборы. И Нил за полчаса на полголовы седеет, а Дарья снова уходит, говоря: «Чужое горе — безмерно, своё — неутешно...»

Правда, теперь краяхинцам, как их будут именовать в Гиганте, разрешают взять всё нажитое с собой — кроме, разумеется, домов. Иные из баб, замечает Нил, едут даже с улыбкой: «у них, может, не будет где жить, но мужика-хозяина напудрах кормить будет чем, да и одежда мало-мальская теперь на зиму есть, да как ни крути, ни верти, а десять коров...» Но знает он также, что «и крестовая роща, и недостроенная церковь, как недожизнь, останутся в памяти этих людей, уходящих отсюда снова страдать, радоваться или умирать в своей будущей жизни...»

«Береги народ, Нила...»

И вновь розовый куст сам выбирает место — тихую полянку меж белых берёзок, где ему укорениться. Снова своим чередом начинается идти жизнь: дрова, загон для скота, огород, кирпичи, бараки, закупки провизии в окрестных деревнях... И снова Нил призывает спешить — не только потому, что начальство торопит краяхинскую теперь уже артель на земляные работы, но из-за предчувствия: на этой пустой ещё земле зима будет лютая и голодная.

А разношёрстная толпа поселенцев, съехавшаяся в Гигант со всей страны в поисках лучшей и денежной жизни, завидует краяхинцам, но уповает лишь на то же начальство. Которое само пухнет от размышлений, что делать с этой толпой, ибо «ничего заранее не продумали: ни где людям жить, ни где кормиться, ни школы, ни детских садиков...»

Вновь появляется Дарья — и снова уходит разыскивать свою дочь, предупреждая о засухе в Поволжье и наставляя: «Муку запасайте, крупу, мыло, спички, керосин, дрова...» Не лучше зимы, предсказывает она, окажется и весна, когда на стройку вновь наедет столько народу, что из-за нехватки всего и вся ничего нельзя будет купить на деньги.

На сей раз автор даёт читателю передышку: нового круга страстей, если не считать уже становящиеся привычными лишения, за этим уходом не следует. Мало-помалу жизнь — во всяком случае, у краяхинской артели — внешне опять налаживается. Вновь доходит дело до свадеб, теперь уже с медными кольцами.

За Нилом, что «высок, силен, с чернушей бородашкой и жгучими глазами с полуседой головой» и проявляет звери-

ное чутьё, мгновенно находя контакт с народом, идут уже тысячи. С почти уверенной надеждой он говорит одному из истошинских мужиков Фофану: «Не бойся, Петрович, теперь вроде ничего... Ещё немного, и у нас всё наладится, а потом снова сделаем дома каждому и — заживем. Работы тут полно, платят хорошо — народу нашему полегче заживется. Ребятишек выучим. Я вот и сам подумываю...»

И Нил не только выучивается на инженера, но и бегло осваивает английский. А краяхинцев, которые пока что живут в бараках, уже ожидает вновь построенный «плановый» посёлок из всё тех же 67 домов. Его главная улица с той же надеждой именуются Большой Счастливой. И розовый куст водворяется у Нилова дома.

Надо ли говорить, что за новым возвращением Дарьи следует и новый её уход? «Нила, душа изболелась. Я ненадолго. Я вернусь ещё, а ты береги народ. Береги народ, Нила...»

Внимательный к истории читатель знает, что произойдёт за этим. Среди арестованных краяхинцев оказывается и выросшая в начальницу общепита Гигантостройка, облыжно обвинённая в попытке перетравить его рабочих и, похоже, сгинувшая в лагерях Катерина. В следственной тюрьме гибнет её и Нила будущий ребёнок. То же, что сам Нил отделяется переводом в бригады асфальтировщиков, на первый взгляд, противоречит логике репрессий. Однако спорно уже то, что эта логика никогда не давала сбоев или вообще существовала. Вдобавок переплетение реалистического и фантастического в романе вполне позволяет автору избежать соответствующих вопросов и продолжить душевные мытарства главного героя...

Внешнее уменение трогает Нила мало. Он и прежним своим возвышением, как и последующим, вполне по-русски, а нынче можно сказать и по-христиански отнюдь не упивается, неся его как крест. Однако, будучи людям опорой, он и сам нуждается в ней, наедине с собой вопрошая: «Я искал на земле место, где бы свить гнездо. Нашёл. Нашёл и стаю свою. А что дальше?»

В тот момент ответом становится признание Катерины. Но и в Гиганте рядом с ней он даже в праздник задумывается над чем-то и утихает «в загадочном беспокойстве». А после её исчезновения и вовсе не находит себе места, ночами, чтобы совсем не застыла душа, упиваясь чтением и «счастливыми снами — цветными, долгими, дивными... И вновь отправляется в Бедаево, где в построенных ими бараках и домах разместился лагерь, железно-дорожная ветка, по словам Трофима, «ходуном ходит», а казавшийся неисчерпаемым лес убывает, как вешняя вода.

Понятно, что едет он тайно и не в сам посёлок, где на лесоповале «бугрит» заключённый Лука, а к Фофану, который бежал из этого лагеря и теперь живёт в громадной пещере. И Фофан, чувствуя, что Нил уже на краю жизни, обращается к небу: «Господи, господи, не дай ему, этому умному дурню, заблудиться в отчаянии... дай ты ему жизни подольше... добавь ты ему мужества выжить... Да вот он, сын твой, с головой чёрно-белой... В его глазах смерть крадется... А ты?... Идол ты, идол, господи-и...»

И тут заходит речь об идоле настоящем — Золотой Бабе, которую Фофан обнаружил в скальной нише во время одного из своих дальних походов в баснословно благодатные северные места. Попытка вновь увидеть статую не приводит к успеху: тайга не только прикрывает нишу осыпью, но и провоцирует искателей невесты откуда летящими странными стрелами. А Нилу снятся сны, в которых он предстаёт древним — похоже, ахейским — воином, спасающим от завоевателей статую богини жизни и в бесконечном походе достигающим подножия неведомых гор...

Когда именно выбивающаяся из ткани повествования и потому кажущаяся вставной история о Золотой Бабе появилась в тексте, мы не знаем. Если уже в самом первом варианте, на рубеже 1980-х — тогда упрекать Зою Прокопьеву в попытке угнаться за более известными сегодня авторами не имеет смысла. Однако, мне кажется, сама по себе эта история привносит в роман немного. Ну, разве что намекает на генетическую предрасположенность Нила к лидерству и ответственности, проявившуюся, кстати, и в его сыне от Ульяны, Ниле-младшем, который, потеряв мать, в годы войны тоже оказывается в Гиганте, но так и не сталкивается с отцом.

Включённость в цепочку бесчисленных поколений гораздо более ярко передаёт картина тихой долины, которую в первый, ещё до Гиганта бедаевский год нашёл тот же Фофан: ни следов деревни, ни дороги, а лишь могилы с трухлявыми крестами. Или детское воспоминание старика Онуфрия о переменившей русло реке, на прежнем обрывистом берегу которой, будто яичная скорлупа, обнажились слои черепов: «Это ж зачем они жили-то? Зачем мы живем? Ты скажи мне, Нило, зачем?.. ведь когда-никогда этих слоёв не хватит нас прикрыть, а?»

Традицию русской литературы органично продолжает описание путешествия Нила в подземный мир — ту самую пещеру, где скрывается Фофан. По словам беглеца, время в ней летит незаметно: спустился вниз — «ещё трава зеленела и ягода доспевала, а вышел вроде через неделю... — снег, деревья голые...»

Именно Фофан убеждает Нила: «Человеку, народу нужна опора, вера... Кто знал, что нашему народу выпадешь опорой ты? Никто... Неуж ты их можешь бросить?..» И Нил возвращается, скорбя по дороге о сохнувших на солнце вырубках. Но горькая безысходность и одиночество уже никогда не исчезнут из глубины его пронзительно-жгучих глаз.

Говорить правду

«Своим чередом» вполне по-современному насыщен потаёнными и явными цитатами и параллелями. На ум местами приходят не только Гоголь, русские апокрифы, Павел Бажов и Алексей Иванов, но и Платонов с Булгаковым, и Данте с Маркесом — по ассоциации, как литературная река, в которую роман впадает ещё одним полноводным притоком.

Будучи открытой, хотя и без надрыва, оппозицией многим образцам официальной советской литературы об индустриализации и коллективизации, книга Прокопьевой передаёт настоящую энергию созидания, укоренённую в самих людях и очищенную от искус-

ственного пафоса. По уровню своей живописной силы роман продолжает традицию лучших образцов советской «деревенской» прозы, одновременно преодолевая её отстранение от прозы «городской».

Рассказывая о происходящем, автор то и дело обращает свой взгляд вперёд — мол, через пять, десять, а то и сорок лет с героем произойдёт то-то и то-то. Манера, на мой взгляд, вполне естественная для живого повествования и, кроме того, подчёркивающая: для сказки важно каждое мгновение жизни героев. Тем более что основные исторические вехи и обстоятельства, в которых они действуют, читателю более-менее известны.

Эти авторские перспективы, как правило, отдают горечью. Именно они предупреждают о запустении Истошино, с которым напоследок прощаются одичавшие без хозяев лошади. О судьбе Ульяны, которая в конце концов найдёт-таки дом Нила и умрёт на скамейке под его окнами, а он, забыв, сколько прожил сам, примет её за Дарью. О трудовых и боевых подвигах и малых, но не менее значимых делах краяхинцев и их детей. О родном сыне Нила, которого он не узнает среди синюшных тел голых подростков, выскивающих в озёрной тине съедобные корни. О гибели в военном небе третьей жены Нила — лётчицы Устины Шуршиной, останки самолёта которой он безуспешно попытается разыскать после войны. О встрече Нила и Луки через 26 лет. О разграблении фофановой пещеры охотниками до сувениров туристами. И, наконец, о конце самого Нила, который, состарившись, умрёт на месте бывшей, не сохранившейся крестовой рощи возле по-прежнему цветущего розового куста.

Вполне светел, впрочем, рассказ о том, как Харитина Вострикова, впервые в жизни увидев в Гиганте «нутряную землю, похожую на зарю», не только думает о ней, как о «нерожаловой бабе», но и сама проникается её невероятной силой. Впрягшись в тракторный плуг, богатырша перепаживает все пустыри и залежи, где потом неслышанно уродится картошка. И вообще: «что бы Харя ни воткнула в землю — все кустилось, цвело, распухало... погладит корову — та прибавит молока или порадует тройней, насыпет крошек или зерна курицам — несут по два яйца в день...»

В дни войны, которую опять же предвещает Дарья, на Большой Счастливой дважды в день будут нести все курицы. Не ради сытости её жителей, а для того, чтобы эти яйца можно было раздавать голодным детям. Но и после Победы, когда посёлок снесут, Федора Лукьянова ещё двадцать лет будет ходить по Гиганту и раздавать исхудалым и немощным сухарики, и носить в больницу выращенные на балконе лук и укроп, думая, что там все ещё госпиталь. А на призывы одинокого петуха на том же её балконе будут слетаться голубицы, и в результате на свет появится новая порода голубей — голубая...

Просветляет и рассказ о том, как после войны Нила — «большого и красивого, напрочь седого, измождённого, ...со Звездой героя на груди и тремя орденами Ленина», но после гибели Усти живущего машинально — признавать отцом и кинуться на шею двадцать две девочки-сироты, удочерённые им и живущие в его доме. И о том, как в день Победы двое других детей на подаренных Нилом связках шаров взвоятся

над Большой Счастливой и, облетев весь Гигант, опустятся на землю. И громкоговорители возвестят о конце войны, и снова ало вспыхнет розовый куст, и на его неслышимый запах снова слетятся тучи шмелей и пчёл.

Переплетая этими предсказаниями-предвидениями основные нити повествования и создавая возможность для возвращения к тем или иным событиям, автор, как на кроснах, собирает цельное полотно, останавливаясь на военных годах. И если среди героев романа, пока что полных сил и упорства, встречаются негодяи, то ненадолго — и своей темнотой никак не могут пересилить яркость краяхинцев и их друзей.

Отдельные светлые эпизодические персонажи — скажем, парторг ЦК на Гигантострое Пухов — никак не переусиливают ощущения безликости и серости, которое оставляет в читателе недобрая давящая власть. Уже сама эпизодичность позволяет предположить, что иные из этих героев введены по идеологическим соображениям, в том числе для того, чтобы угодить цензуре, которая на рубеже 80-х, когда был написан роман, и даже в перестройку, когда он впервые увидел свет, была ещё сильна. На ту же мысль наводят упоминания о вредительстве на Гигантострое и беглое известие о наказании гонителей истошинцев, когда Пухов сообщает Нилу, что раскулачившие и бросившие их на произвол судьбы руководители сняты с работы, а потерявшийся Бедяев, оказывается, просто умер от тифа.

Та же эпизодичность, впрочем, подчёркивает, что Прокопьеву интересуют отнюдь не власть, а именно народ. И, делясь с читателем не дешёвым историческим оптимизмом, а надеждой на неисчерпаемость народных жизненных сил, и сегодня подвергаемой бесчисленным испытаниям, автор явно разделяет убеждение Нила: «Людам надо говорить правду. Горькую, нужную, забытую — любую, но правду. Иначе человек теряет веру в себя, в окружающих, в будущее...»

Это будущее для героев Прокопьевой связано с их настоящим предназначением.

— Неужели нельзя оставить человека заниматься тем, что ему дано от бога? Разве человек рождается для того, чтобы рыть землю? — спрашивает после приезда в Гигант Катерина, надеясь, что их больше никто не потревожит.

— Когда-нибудь всё одно ты станешь рисовать, я лепить свои белые и голубые чашки, — отвечает ей глинушинский гончар и тоже будущий арестант Афоня Лютиков. — Фофан станет резать деревянные кружева, Нил ковать чего-нибудь такое-этакое железное, а пока что... будем искать глину, рыть землю и — жить...

Явно для иного, судя по её стихам, рождена и Устинья Шуршина, которая в отрочестве не просто предчувствовала, а знала, что будет летать и сгорит в небе. Но и она, и другие краяхинцы, эпически олицетворяющие весь русский народ, снова и снова поступают своими мечтами, поскольку время постоянно требует иных, подчас более грубых способностей и умений, прежде всего — к выживанию. Не так ли живём ныне и мы?

Андрей РАСТОРГУЕВ,

Прокопьева З.Е. Своим чередом. Роман. — Челябинск: ИД «Пресс-Мастер», 2008

Валерий ТИХОНОВ

Материнский наказ

ЖЕРЕБЁНОК

Памяти Станислава Золотцева
*Называют озеро Горячим,
 а оно такое же, как все.
 Мочит ноги спутанная кляча
 молчаливо в выпавшей росе.*

*Ну а жеребёнок белолобый
 запросто спускается к воде,
 смотрит удивлённо,
 смотрит в оба
 на туман,
 что тянется к звезде...*

*Кто ему поведал об аркане,
 про телегу и про
 хлётский кнут?
 Знаю, он звездою в небе станет!
 И его под утро не найдут.*

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

*Никто не будет так переживать
 за наши беды,
 радости,
 тревоги,
 как мама.
 Помню, выйдя провожать,
 она сказала:
 «Там смотри, в дороге...»*

*Я, может быть, лишь этим и спасён —
 что до сих пор как будто на пороге.
 Куда б судьбою не был занесён,
 я вспоминаю:
 «Там, смотри, в дороге...»*

*Да, надо помнить, а не вспоминать —
 тогда усталостью подкосит ноги.
 ...Какою силой обладала мать,
 когда сказала:
 «Там смотри — в дороге...»*

АВТОРА!

Валерий Евгеньевич ТИХОНОВ родился 4 августа 1961 года в г. Белореченске Луганской области (Украина). С 1969 года на Алтае. В 1989 году окончил филологический факультет Барнаульского государственного педагогического института. Работал в школе учителем русского языка и литературы, корреспондентом и редактором на краевом радио. Член СПР с 1998 года. С 2008 года — главный редактор журнала «Барнаул». В 2009 году избран руководителем Алтайской краевой организации СПР. Автор четырех поэтических книг.

* * *

*Лист остывающий меркнет.
 Тихо светлеет вода.
 Сгинули водомерки.
 Скоро придут холода.*

*Берег затянут осокой.
 Надо раздвинуть рукой,
 чтобы на дне неглубоком
 видеть песчаный покой.*

*Мне отраженье двойное
 чудится в глади воды...
 Кто там стоит за спиной?
 Чьи — за моими — следы?..*

* * *

*Вот и вымела осень с дороги
 кутерьму разноцветной листвы.*

*...Мне б тогда не стоять на пороге,
 к косяку прислонив головы,
 не жалеть сиротливые клёны...*

*Лишь сейчас мне октябрь подсказал,
 что не лето, а поезд зелёный
 опустевший покинул вокзал!*

*Птицы скорые ночью кричали.
 И луна, пробираясь во мгле,
 изогнулась прощально-печально —
 как ладонь на оконном стекле.*

* * *

*В электричке фильм документальный —
 мини-залы, в каждом свой экран.
 И летит пейзаж горизонтально
 ломаным пунктиром:
 лес,
 бурьян,
 станция, обросшая селеньем
 (люди на крылечках в полный рост),
 речка голубеет в отдаленье,
 тень метнул
 и удалился
 мост...*

* * *

*В ночь осеннюю —
 до рассвета —
 к звёздам тянется каждый дом.
 Двухнедельное бабье лето!..
 А потом —
 крик прощальный птиц перелётных! —
 начинается шумный бал! —
 выпускные училищ лётных! —
 карнавал!
 И расторгнется связь до срока —
 новой завязью лёг снежок!..
 Поле чёрное
 белообо
 в сто сорок.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Вечер выдохом ветра живёт.
 День на запад уходит.
 Ночь восточную песню поёт
 о весенней погоде.*

*Поздний март обретает права —
 он с зимою повздорил.
 И суровые тают слова
 на сибирском просторе.*

*Кто услышит мелодии слов,
 пусть они и не в моде,*

*тот запеть свою песню готов
 о весенней погоде.*

*Словно первые чувства пришли,
 или первые сказки...
 Растревожат пространство земли
 звуки, запахи, краски...*

* * *

*Всё обещало стать собою:
 рекою — речка,
 роща — лесом,
 а всплеск подземного прибоя —
 родник
 под берегом отвесным —
 звал нас к себе,
 звал причаститься,
 звал отраженьем уколоться,
 и,
 освежая наши лица,
 всё ждал сравнения с колодцем.
 Мечтала стать большой дорогой
 тропинка к хлипкому мосточку...
 Я первый раз увидел строгой
 жену —
 она хотела дочку.*

* * *

*Я луга не вижу,
 но вижу коней на лугу.
 Чем дальше, тем ближе —
 я даже узнать их могу...*

*Они молчаливы.
 Копыта в траве не стучат.
 Плакучие ивы
 у речки вечерней молчат...*

*Круг памяти ниже.
 Летать я уже не могу.
 Я луга не вижу.
 Но вижу коней на лугу.*

ПРИЗНАНИЕ

*Выпало родиться на Земле,
 печь картошку в тающей золе,
 быть порой с друзьями во хмелю...
 Боже мой, как я тебя люблю!*

*Листопады, снегопады мчат...
 Каблучками часики стучат.
 Жизни быть иною не веляю...
 Боже мой, как я тебя люблю!*

*За зимою, знаем, хлынет март —
 будет дан весне желанный старт.
 Я уже поверил февралю...
 Боже мой, как я тебя люблю!*

*Детскими глазами окрылён,
 в женщину земную я влюблён.
 Я её небесно восхваляю...
 Боже мой, как я тебя люблю!*

*...У картошки тёплой нежный вкус.
 У костра сажу. Не дую в ус.
 Захожу — дровишек наколю...
 Боже мой, как я тебя люблю!*

* * *

*Луну и звёзды некому стеречь,
 их поутру рассвет собирает в горсть...
 О чём душа поёт — о том и речь.
 Кого позвали в гости — тот и гость.*

*Всё ярче, жарче оживает печь
 небесная над зимнею Землей...
 О чём душа поёт — о том и речь.
 Что прогорит — то назовём золой.*

*В высоком полдне вся и всё видней,
 урок черчения теней не завершён...
 Ты всех мне ближе. Ты мне всех родней.
 Я навсегда тобой заморожен.*

Сергей ГОРБАЧЁВ

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

В классе политподготовки стояла духота афганского лета, пронзительная тишина отдавалась в ушах лёгким звоном, явное напряжение заполняло каждый уголок помещения.

У самой доски тихонько сидела крыса. Крыса была раскормленная, но в общем такая же серая и невзрачная, как тысячи её собратьев. Близко посаженные глазки смотрели тревожно. Было видно, что крыса обеспокоена и заметно волнуется.

Напротив крысы за столами сидели офицеры — четыре лейтенанта и капитан. Один, по-видимому, самый молодой, недавно переболел афганкой и имел чуть желтоватый оттенок лица. А вообще-то в застиранной, сильно выгоревшей полевой форме, с коричневыми лицами, одинаково короткими, тронутыми сединой, стрижками, они были похожи друг на друга, как братья.

Их только что срочно вызвали, усадили в классе и объявили, что все они представлены командиром эскадрильи к ордену Красной Звезды. Раздали бланки наградных листов и... предложили заполнить! Им, боевым офицерам, самим на себя! Офицеры смотрели на крысу и переваривали обиду.

Капитан с шумом отодвинул, почти откинул мешавший стул и встал. За ним, не сговариваясь, встали остальные.

АВТОРА!

Сергей Юрьевич Горбачёв родился 8 июня 1964 года в Кирове. В 1994-м окончил Московскую государственную Академию печати по специальности художник-график. С 1995 года член Союза художников России. Участник свыше пятидесяти выставок: областных, региональных, всероссийских и международных. Горбачевым оформлены десятки книг и периодических изданий (газеты: «Я расту», «Двенадцатый игрок», журнал «Собор», альманах «Герценка»), созданы фирменные стили многих кировских предприятий. С 2007 года он — председатель регионального отделения Союза художников России. С 2008 года Сергей Горбачев пишет рассказы. Публикуется в периодике и альманахах. Выходит в свет его первая книга «Ни за что» (маленькие рассказы о призах и наградах). Лауреат Премии Кировской области по литературе и искусству.

Офицеры молча выходили из класса и, проходя мимо крысы, швыряли ей в мордочку чистые наградные бланки.

Крыса раньше слышала от своих опытных товарищей, что всё получится именно так, но всё равно волновалась и не могла до конца поверить, что её заветная мечта начинает сбываться. Сразу пять отказов! Уж один-то наградной точно должен достаться крысе. Она суетливо расправляла помятые бланки и аккуратно укладывала их в папку.

У крысы было всё: непыльная работа, приличное денежное довольствие, благоустроенная норка в городе и погоны майора. Для полного счастья ей не хватало только настоящего боевого ордена.

ЧЕРВЯК

— Смотри, как старается, — отец присел на корточки и указал на огромного, пересекающего тротуар дождевого червяка. Дорога давалась ему нелегко. Волны коричневых колец с усилием прокатывались по длинному телу, и казалось: он явно спешит по своим червяковским делам к ближайшему газону.

Мне шёл четвёртый год, и такое чудо я видел впервые:

— Зда-аровый!

— Красавец, — отец улыбался.

Вдруг я резко топнул ногой и раздавил половину червяка. Отец переменился в лице. Он сурово посмотрел на меня и очень строго, не повышая голоса, спросил:

— Зачем?

Я растерянно смотрел на извивающуюся половинку червяка и молчал.

— Зачем-ты-это-сделал? — повторил отец, выделяя каждое слово. Затем встал, повернулся ко мне спиной и медленно пошёл прочь.

Я осторожно отнёс на газон останки червяка и, внезапно осознав бессмысленную жестокость своего поступка, громко, во весь голос, заревел. Заревел от жалости к червяку, оттого, что огорчил отца своим поступком, оттого, что я такой плохой и жестокий, а главное оттого, что я ничего не мог изменить. Со всей ясностью пришло осознание, как легко отнять жизнь и совсем-совсем невозможно её вернуть.

Я ревел и не мог остановиться. Ожидавшая нас бабушка подбежала ко мне и с причитаниями подвела к отцу:

— Ты чего ребёнка клевишь?! Она как из-за червяка какого-то парень убивается!

— Пусть поплачет, ему полезно, — строго сказал отец, вздохнул, взял меня за руку и повёл плачущего домой.

Я не убиваю животных, никого не убиваю. Исключение — комары да мухи. Но до сих пор иной раз шлёпая надоевшего комара, я испытываю чувство сожаления и вспоминаю того бедного червяка.

ВОРОБЬИНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Узкая, зажатая огромными сугробами тропинка тянулась вдоль бесконечной череды частных гаражей и деревянных сараев. Начинало темнеть. Который день стояли сильные морозы, и мы с отцом спешили домой на всех парах.

— А ну-ка, постой маленько, — отец поднял с сугроба какой-то серый комок.

— Чего там? — мне стало интересно, тем более что я помнил недавний строгий-престрогий бабушкин наказ: «Чтоб всякую дрянь домой больше не волочили! Обоих касается!».

— Оголодал, бедняга, — отец покал воробья.

— Да он замёрз!

— Птица мёрзнет только голодная, — пояснил отец, — ну что, спасём?

— Само-собой, — согласился я, — тока мёртвый он.

— Да вроде жив ещё, — отец посадил воробья в свою необъятную рукавицу и спрятал за пазуху.

На следующий день спасённый оттаял, наелся, напился, зачивкал, залетал и... обделал всю комнату. Клетки у нас не было.

— Вот тебе и на. Вот тебе и спасибо, — сетовал я, оттирая бесконечные воробьиные «подарки».

Воробей считался моим, значит, и убирать мне. Бабушка молча всем своим видом разделяла моё негодование, потому что застирывать покрывала мне пока не доверяли. Улыбался только отец.

— А чего ж ты от воробья хотел? — посмеивался он, — воробей он и есть воробей.

— Ты что ж, не рад, что он жив остался?

— Рад-рад, — продолжал я ворчать.

— Ну а раз рад, так значит, помогаешь ты ему к своей радости, для себя.

Тут я с отцом согласился. Я и впрямь был очень рад тому, что воробей жив. Мне вдруг стало весело и даже смешно оттого, как этот «хулиган» носится по комнате и старательно «благодарит» за спасение.

Через день морозы спали. Кое-как поймав воробья обувной коробкой, мы с отцом отправились, к великому удовольствию бабушки, отпустить его на волю.

Воробей выпорхнул из коробки и тут же скрылся из вида.

— Даже не чирикнул на прощание, — вздохнул я.

— Ты-то надеюсь не будешь, как воробей, за помощь «благодарить», — усмехнулся отец, — Спасибо-то «чирикнешь»? Не забудешь?

ТОПОЛЁК

Скрипнули шины. Отец довольно резко осадил старенький «запорожец».

— Ты чего, па?

— Пройдёмся.

Мы вышли из машины и направились на другую сторону дороги. Там росли молоденькие тополя, недавно высаженные вдоль длинного зелёного здания пианинной фабрики.

Один тополёк был жестоко надломлен по самой середине. Верхушка бедного деревца лежала на земле, а выглядывающая из остатков лопнувшей коры рана сочилась такой болью, что я невольно поёжился.

— Сына, поищи-ка верёвку, а лучше проволоку.

Я нашёл в ближайшей куче мусора приличный кусок алюминиевой проволоки. Отец тем временем принёс из машины большую старую тряпку. Аккуратно приладив на место сломенную часть, туго перевязал тополёк и крепко зафиксировал проволокой:

— Теперь порядок.

— Оно что и жить будет?

— А ты за ним присмотришь.

Жили мы недалеко и частенько навещали забинтованное деревце. Тополёк болел, начал явно отставать от своих товарищей, но листочки не сбросил: боролся за жизнь изо всех сил.

Прошли лето, осень, зима. Новой весной тополёк зазеленел. В начале лета мы торжественно сняли с него повязку. Отец объяснил, что теперь повязка не нужна и даже помешает расти дальше. Потом, уже без отца, я приходил к тополёку погладить его заросшую бугристой корой рану. Мне казалось, что это ему непременно поможет догнать остальные деревья.

Теперь, спустя почти сорок лет, я вряд ли узнаю наш тополёк, да и он, наверное, давно забыл о своей детской болезни.

МАЛЕНЬКИЙ ГУРУ

Петя не просто рыбак — настоящий ас своего дела. Он всегда, при любом раскладе, был с отличным уловом. Летом подолгу жил на старом дебаркадере, который раньше с весны до поздней осени стоял в затоне у впадения Быстрицы в Вятку. Места там шикарные. Мы весёлой компанией, бывало, приезжали к нему на речку отдохнуть, испускать детвору, порыбачить, а я — порисовать.

Мой пятилетний Егорка с серьёзным видом рассматривал притихших в ведре живцов, только что вынутых из экрана и ожидающих своей печальной участи. Додумав свою серьёзную мысль, он осторожно двумя ладошками взял одну рыбку и, на цыпочках дотянувшись до края борта, бросил её в воду.

— Ты чего это творишь, а? — спросил я строго.

— Рыбёнок домой отпускаю. Их мама с папой давно потеряли, — ответил Егор.

Вразумительных аргументов для возражения я не нашёл, и всю рыбу пришлось отпустить. Петя с пониманием отнёсся к нашему «безобразию» и потихоньку от Егора вынул живцов из другого экрана.

Вечером мы всем взрослым составом демонстрировали Егорке зубастые пасти щук и судаков, живописно расписывали их злодейства и убеждали, что таких-то уж точно есть можно. В конце концов, вняв нашим увещаниям, Егор согласился отведать роскошной ухи.

На следующий день я учил Егорку запускать вприпрыжку по речной гряде камешки леденцы. Мы устроили соревнования на счёт, и нетвёрдо считающий Егорка на полном серьёзе упрекал меня в жульничестве. А ещё я заметил, что берёт он не всякий камешек, а только подходящий по каким-то особенным, одному ему известным причинам.

Мы продолжали играть, разговаривать и постепенно выяснилось, что берёт он только те камешки, которые сами согласились принять участие в нашей игре. И вообще «все камни здесь не просто так живут!» Егорка был абсолютно уверен, что и я выбираю именно такие же.

Дальше-больше! Оказалось, в его понимании, каждый камень имеет душу, а также каждая былинка, пылинка, песчинка... Про зверей, рыб, птиц, само-собой, деревья и говорить нечего. Откуда в нём такой Космос?!

Пятилетний карапуз учил отца жизни! И что удивительно, у него это хорошо получалось.

ТЕ, КТО ПОМОГАЕТ

Полянка на берегу реки Вятки нам сразу понравилась. Ласковый ивнячок, пронзительно зелёная трава и удобный подход к реке. Огорчало одно — кучи мусора. Газеты, пакеты, пластиковые бутылки и консервные банки портили всё впечатление.

— Ну что, сына, за работу? Я слева убираю, ты справа, а мама вещи разберёт.

— Чего это? Не мы ж насвინячили, — Егорка не был ленивым, просто в его представлении было вполне логично каждому убирать за собой.

— Ты пойми, сын, природе всё равно, кто насвинячил. Это сделали люди! Значит, люди и должны помочь. Лично я буду в команде тех, кто помогает.

— А лично я буду... тоже в команде «ТЕ-КТО-ПОМОГАЕТ», — решил Егор.

Дело пошло. Мы собрали весь хлам, что можно пережгли, остальное — закопали. О присутствии человека напоминал наш яркий рюкзак, цветное покрывало с готовой снедью да аккуратный бодрый костерок посередине старого костровища.

— Вот и славно, — заключил я.

— Красота! — подтвердил Егор.

С той поры каждый выход на природу сын сам, без напоминаний, начинал с наведения первозданного порядка. Теперь он, совсем взрослый человек, чаще ездит на природу без меня, но никогда не забывает, в какой он команде.

ЖИВАЯ ЁЛКА

В этот раз ёлка была настоящей красавицей. Не большая, не маленькая, пушистая и стройная. Я нашёл её на ёлочном базаре среди облезлых подружек. Перед самым Новым Годом это настоящая удача! Дома основание ёлки было прочно расклинено обрезками штакетника в большом тазу с водой, чтобы дольше не осыпалась. Хитроумный крепёж замаскирован белой простыней под сугроб. Вся конструкция смотрелась замечательно, и я был собою доволен.

Праздники прошли весело. Ещё целую неделю после «старого Нового года» ёлочка радовала нас, ничуть не теряя своей зелёной красоты. Наконец настала пора с нею расстаться. Праздничный наряд был разобран, и я отнёс нашу красавицу к мусорным бакам.

Всё ещё свежее зелёное пятнышко поверх мрачной кучи ёлочных скелетов оставляло на душе неприятный осадок. Есть в этом что-то неправильное. Домой я вернулся не в духе и сразу завёл с сыном разговор о том, чтобы со следующего Нового Года завести искусственную ёлочку.

Сын меня горячо поддержал. Он легко согласился с тем, что у нас всегда будет одна и та же искусственная ёлка. Даже был очень рад тому, что для нас больше ёлочку убивать не будут. Так и сказал «убивать».

Тут к разговору подключилась мама: — Да вы хоть знаете, сколько сейчас такая ёлка стоит?

— Ну, сколько? Не дороже денег, — я, честно сказать, был не в курсе.

— Тысячи полторы, а то и все две будет. Вот сколько! — финансовый аргумент был серьёзный.

— А это что, больше чем жизнь ёлочки? — сын спросил так спросил. В самую точку! Мы переглянулись и ничего не ответили. Да и что тут ответить? Вопрос о покупке был решён.

Сейчас под Новый год повсюду всё чаще встречаются искусственные ёлки. Очень радует новая мода на украшение

такими ёлками городов, особенно крупных. Разнообразные, весёлые и оригинальные, они ничуть не хуже задают праздничное настроение. Да разве так уж обязательна для старой доброй традиции эта живая жертва?

УВАЖЕНИЕ ОГНЮ

К ночёвке мы готовились серьёзно. Я натаскал сухих лесин и огромную кучу валежника. Отец принёс на плече целый ствол павшей берёзы. Ловко надсекая двумя встречными ударами топора сухие лесины, отец приступал их ногой и легко разламывал на полешки.

— Теперь на всю ночь с запасом хватит, — оценил он результаты наших стараний.

Мы осторожно сняли дёрн, отложили его в сторонку и окопали место будущего костра.

— Сейчас простой костерок организуем, а ночью вот эта бандура потихоньку тлеть будет, — объяснял отец, присаживаясь на берёзовый ствол.

— Сможешь? — спросил он, протягивая мне коробок спичек.

— Чо тут мочь-то? Вон дров сколько. Все сухие.

— Ну-ну, — усмехнулся отец моей решимости.

Раньше мне костров разводить не доводилось, но дело казалось не таким уж хитрым. В успехе я не сомневался.

Навалил дров побольше, подсунил кусок газеты и поднёс горящую спичку. Огонёк лениво лизнул газетную бумагу и исчез. Я поджёг снова. Прогорела только половина газетного куска, и опять всё погасло. Запихав под дрова всю оставшуюся газету, я запалил две спички разом. Дунул ветерок. Бумага ярко вспыхнула и... сгорела, слегка закоптив несколько веток. Костёр не получался. Прямо мистика какая-то. Я потянулся за новой газетой.

— Погоди. Ты мне так все спички изведёшь, — отец присел рядом, — пойми, сын, огонь ведь тоже живой, уваженья требует, а главное — порядка. А у тебя что? Не костёр, а так — куча какая-то. Тут огню дышать нечем.

Отец убрал моё «зодчество» и аккуратно выстроил из тонких сухих веточек небольшое подобие колодца. Подсунул кусочек бересты и поджёг. Береста мгновенно свернулась, выбросив яркий

язычок огня, от которого почти сразу занялись тонкие веточки. Костерок разгорался.

— Теперь веточки потолще, — отец продолжал выкладывать свой «колодец», — Сейчас можно и эти, — в окрепший костёр пошли уже настоящие поленья. — Ты смотри, куда ветерок, — наставлял отец. — Длинные клади по ветру, короткие поперёк.

— А вот индейцы костёр шалашом делают, — явил я свою эрудицию.

— Можно и шалашом, — подтвердил отец. — Ещё можно звёздочкой, но то всё одно — порядок. От порядка огню уважение и тебе хлопот меньше.

— Ну а как же пожары, когда всякий хлам загорается? Там что тоже кто-то порядок наводит? — спросил я, довольный своей хитростью.

— А вот там-то как раз, — отец был совершенно серьёзен, — огонь человека за беспорядок наказывает.

С той поры много раз я сам разводил костры. Узнал новые секреты. Но всегда, выказывая огню уважение, соблюдал порядок, а благодарный огонь хоть летом в дождь, хоть зимой в снег дарил мне костёр с первой спички.

РОБКИЙ

— А я Светку Михайлову поцеловал, — гордо заявил Вадик, — вот!

Мы все так и рты пооткрывали. Лично я в изумлении открыл рот точно. Светку Михайлову! Да она же самая красивая девочка в средней группе! Светка была похожа на всех-всех кукол сразу. Мальчики робели к ней даже подойти, не то что поцеловать. Никто-никто из нас не мог на такое решиться.

Вадик серьёзно приподнялся в глазах всей нашей детсадовской компании. В ореоле своей «героической» славы с загадочным видом молчал в ответ на все вопросы... и как-то самособой начал верховодить. Он был в центре внимания до самого обеда и потом всю прогулку после тихого часа.

После прогулки слава Вадика заметно поубавилась, потому что Мишка не менее гордо сказал, что тоже поцеловал Светку. Вечером ещё двое заявили о том же. К концу недели Светку перецеловали все мальчишки нашей группы, кроме меня. Но Вадик всё равно сохранил положение бесспорного лиде-

ра потому, что он первый совершил такой отважный в наших глазах поступок.

Ещё через пару дней мальчишки про Светку забыли. Все, но не я. Поцеловать Светку хотелось очень. Но как? Невзирая на многочисленные примеры своих товарищей, набраться решимости я не мог. Ладно бы Олю, Анечку, да вон хоть бы Ларису, милостивую девочку в чёрных кудряшках, которую все взрослые почему-то считали красавицей. Да ну всех, всех я мог легко поцеловать, только не Светку.

Я украдкой поглядывал на объект воздыханий, увлечённо рассаживающий кукол за игрушечный столик, и вдруг, переполненный нежностью, решительно подошёл к Светке и поцеловал. На глазах у всей группы! Поцеловал неловко, но искренне и крепко, как только мог. Мы оба опешили и растерянно смотрели друг на друга. Вся группа, замерев, смотрела на нас.

Первой опомнилась Светка и, возмущённая моим поступком, побежала жаловаться воспитательнице. Назревал скандал. Немного погодя подошла воспитательница, держащая за руку всё ещё возмущённую Светку, и стала меня строго при всех отчитывать. Меня заставили извиниться.

Конечно, я извинился, но никак не хотел уяснить, чего же такого страшного совершил и чем это я хуже остальных целовавших Светку. Вскоре выяснилось: все мальчишки откровенно врали, в том числе и наш «героический» Вадик. Светку целовал только я один.

Вечером воспитательница в сторонке что-то долго выговаривала пришедшему за мной отцу. Я ожидал серьёзной взбучки и был немало удивлён тем, что вскоре подошедший отец весело щёлкнул меня по носу и спросил:

— Что ж ты, братец, девочку целуешь так, что они жаловаться бегают?

На следующий день Светка подошла ко мне сама, первая. Мы потом ещё несколько раз тайком целовались, но вскоре наши детские чувства растаяли.

Позже, конечно же, мне ещё много раз нравились разные девочки, но я всегда легко с ними знакомился и общался без малейшей тени робости. Спустя много лет я опять, второй и последний раз оробел, уже перед девушкой. Но это совсем другая история, после которой я женился.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС

19 декабря будет отмечаться яркая дата в истории культуры Южного Урала — 95-летний юбилей со дня рождения Людмилы Константиновны Татьянической. Её талант стал проявлением лучших традиций поэтического творчества высокого гражданского звучания, воспевающего тему родной уральской земли.

Отдел краеведения Челябинской областной универсальной научной библиотеки (ЧОУНБ) выступил инициатором проведения поэтического конкурса, посвященного юбилейной дате. Идею проведения конкурса поддержали Челябинское отделение Союза писателей России, областной фонд культуры, молодёжная литературная мастерская «Взлётная полоса» Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Организаторы конкурса ставят своей целью выявление наиболее талантливых молодых авторов, чья творческая деятельность уже имеет некоторые значимые результаты. Работы участников в жанре поэзии будут рассматриваться по следующим номинациям: стихи гражданского звучания, лирические стихи, философская лирика, стихи, посвященные родному краю.

Положение о конкурсе размещено на сайте ЧОУНБ:

<http://centrchteniya.blogspot.com/>
Итоги конкурса будут подведены 10 декабря 2010 года. Тогда же состоится и награждение победителей.

КОНКУРС НА ПРЕМИЮ ИМЕНИ П.П. БАЖОВА

В Екатеринбурге начался прием работ на XII Всероссийскую литературную премию имени Павла Бажова.

На премию могут претендовать авторы прозаических произведений, поэтических сборников, публицисты, литературно-художественные критики. Работы на конкурс принимаются по 1 декабря, объявление победителей состоится в январе 2011 года. «Основанием для участия является значимость творческого достижения и его органическая связь с русской историей и культурой. На присуждение премии не влияет жанровая принадлежность сочинений — все зависит только от качества присланных работ. Что касается качества лауреатов, то оно меняется с каждым годом, но обычно не превышает пяти», — отмечают организаторы конкурса.

Ежегодная литературная премия имени Павла Бажова учреждена в 1999 году к 120-летию писателя. Конкурс проводится в знак уважения к автору знаменитых уральских сказов и для поощрения литературной деятельности. В разные годы лауреатами премии становились прозаики Владислав Крапивин и Алексей Иванов, Арсен Титов и Александр Кердан, Николай Корсунов и Нина Ягодинцева, Николай Шилов и Андрей Щупов.

Работы на конкурс присылать по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, д. 12. С пометкой «на конкурс имени П.П. Бажова».

РЕКЛАМА

Издательство «АсПур»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов: афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги.

С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Адрес издательства: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
E-mail: aspurizdat@mail.ru

Телефоны издательства:
(343) 371-12-06, 216-11-63,
8-912-22-604-92.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ БАНК

Головной офис: Ханты-Мансийск, ул. Мира, 38, (34670) 90-690, факс (34670) 30-218; hmbank@khmb.ru

Филиалы Банка:

Москва

ул. Дубки, 2; тел. (095) 977-98-33; mshfil@khmb.ru

Тюмень

ул. 8 марта, 2/10; тел. (3452) 45-52-50; tumfil@khmb.ru

Новосибирск

ул. Ядринцевская, 16А; тел. (3832) 22-22-08; nskfil@khmb.ru

Югорск

ул. Попова, 63; тел. (34675) 7-45-32; ugrfil@khmb.ru

Советский

ул. Макаренко, 2А; тел. (34675) 3-45-43; sovfil@khmb.ru

Сургут

ул. Маяковского, 12; тел. (3462) 37-78-00; surgfil@khmb.ru

Нефтеюганск

ул. Набережная, 1; тел. (3460) 230-312; uganskfil@khmb.ru

Санкт-Петербург

Фуражный переулок, 3К; тел. (812) 271-65-47; khmb@spb.ru

Пыть-Як

2-й микрорайон, 5; тел. (34614) 60-485; pytfil@khmb.ru

Нижневартовск

ул. Мусы Джалиля, 10; тел./факс (3468) 24-33-22; info@nvarl.khmb.ru

Лангепас

ул. Комсомольская, 9А; тел./факс (34688) 20-53 т; info@lang.khmb.ru

Радужный

3-й микрорайон, 3а; тел. (34688) 38-727; info@rad.khmb.ru

Мегион

ул. Строителей д. 2/5; (34663) 26-208; meigion@nvarl.khmb.ru

Нягань

1-й микрорайон д.27; (34672) 80-986; nyaganfil@khmb.ru

Березово

ул. Ленина, 1А; (34674) 21-068; berfil@berozovo.wsnet.ru

Белоярский

6-й микрорайон, 9; (34670) 41-350; belfil@khmb.ru

Представительства:

Екатеринбург

ул. Куйбышева, 44 офис 60 т; (343) 359-62-82; ekai@khmb.ru

Чешская Республика

Сеноважная площадь, 23, 110 00; г. Прага 1, Чешская Республика

Ген. Лицензия ЦБ РФ № 1971

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1. Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
2. Вся верстка выполняется на платформе РС.
3. Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
4. Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
5. Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все изображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
6. Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№4(27)

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 2010
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТЕРРИТОРИИ
УРАЛА, СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ
**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

Екатеринбург:

Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.
Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения Союза
русских писателей;
Расторгуев А.П.
председатель отделения Союза
писателей России.

Барнаул:

Тихонов В.Е.
председатель краевого отделения
Союза писателей России

Кемерово:

Бурмистров Б.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров:

Морозов В.И.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган:

Филимонов В.И.
председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко:

Овсянников А.В.
председатель окружного отделения
Союза российских писателей
Быковский В.А.
председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижневартовск:

Александрова М.А.
председатель городского содружества
писателей

Омск:

Ерофеева-Тверская В.Ю.
председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург:

Молчанов В.М.
председатель регионального
отделения Союза российских
писателей

Пермь:

Якушев В.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар:

Козлова Е.В.
председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Томск:

Скарлыгин Г.К.
председатель правления областного
отделения Союза писателей России.

Тюмень:

Денисов Н.В.
председатель областного отделения
Союза писателей России;
Марласов А.М.
президент Тюменской ассоциации
литераторов;
Шамсутдинов Н.М.
председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск:

Рябий И.А.
председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск:

Белозерцев А.К.
председатель областного отделения
Союза писателей России;
Шишов К.А.
председатель организации Союза
русских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075, г.Екатеринбург, ул.Пушкина, 12.
«Ассоциация писателей Урала».
E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.
Электронный архив газеты:
www.ayac.narod.ru/ursa/
Контактные телефоны:
(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз.
Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Печатный Дом».
г. Реж, ул. Красноармейская, д.49.
Тел. (8-3436) 42-15-32